ΜΟΥΣΑΓΕΤΗΣ

Александръ Блокъ

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

(1904—1906)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ

Москва. MCMXII.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1414

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Нечаянная Радость—это мой образъ грядущаго міра. Въ семи отдѣлахъ я раскрываю семь странъ души моей книги.

Пробудившаяся земля выводитъ на лѣсныя опушки маленькихъ мохнатыхъ существъ. Они умѣютъ только кричать «прощай» зимѣ, кувыркаться и дразнить прохожихъ. Я привязался къ нимъ только за то, что они—добродушныя и безсловесныя твари, — привязанностью молчаливой, ушедшей въ себя души, для которой міръ—балаганъ, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людскія обители—города. Тамъ, въ магическомъ вихрѣ и свѣтѣ, страшныя и прекрасныя видѣнія жизни: Ночи—снѣжныя королевы—влачатъ свои шлейфы въ брызгахъ звѣздъ. На буйныхъ улицахъ падаютъ мертвые, и чудодѣйственно-терпкій напитокъ, красное вино, оглушаетъ, чтобы уши не слышали убійства, ослѣпляетъ, чтобы очи не видѣли смерти.

И молчаливая дѣвушка за узкимъ окномъ всю ночь ткетъ мнѣ мой Перстень-Страданье; ея работа раждаетъ во мнѣ тихія пѣсни отчаянья, пѣсни Покорности.

Но надъ міромъ, гдѣ всегда дуетъ вѣтеръ, гдѣ ничего не различить сквозь слезы, которыми онъ застилаетъ глаза, — Осень встаетъ, высокая и широкая. Раскидывается надъ топью болотъ и золотою короной лѣсовъ упирается въ синее небо. Тогда понятно, какъ высоко небо, какъ широка земля, какъ глубоки моря, и какъ свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотритъ въ глаза мнѣ очами синими, бездонными и незнакомыми, какъ очи королевны Ночной Фіалки, которая молчитъ и прядетъ. И я смотрю на нее, но вижу ее, какъ бы во снѣ. Между нами нѣтъ ничего неразгаданнаго, но мы все еще незнакомы другъ другу.

Міръ, окружающій меня, также смотритъ въ еще незнакомыя очи Нечаянной Радости. И Она смотритъ въ очи ему. Но они уже знаютъ о скорой встрѣчѣ—лицомъ къ лицу.

Слышно, какъ вскипаютъ моря и воютъ корабельныя сирены. Всѣ мы потечемъ на молъ, гдѣ зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народовъ, когда за узкимъ мысомъ появятся большіе корабли.

Александръ Блокъ.

Августъ, 1906.
С. Шахматово, Моск. губ.

ВЕСЕННЕЕ.

СОЛЬВЕЙГЪ.

СЕРГѢЮ ГОРОДЕЦКОМУ.

Сольвейгъ прибѣгаетъ на лыжахъ.
Ибсенъ. Перъ Гюнтъ.

Сольвейгъ! Ты прибѣжала на лыжахъ ко мнѣ,
Улыбнулась пришедшей веснѣ!

Жилъ я въ бѣдной и темной избушкѣ моей
Много дней, межъ камней, безъ огней.

Но веселый, зеленый твой глазъ мнѣ блеснулъ,
Я топоръ широко размахнулъ!

Я смѣюсь и крушу вѣковую сосну,
Я встрѣчаю невѣсту—весну!

Пусть надъ новой избой
Будетъ сводъ голубой—
Полно соснамъ скрывать синеву!
Это небо—твое!
Это небо—мое!
Пусть не даромъ я гордымъ слыву!

Жилъ въ лѣсу, какъ во снѣ,
Пѣлъ молитвы соснѣ,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла,—и свѣтло,
Зимній сонъ разнесло,
И весна загудѣла въ лѣсу!

Слышишь звонкій топоръ? Видишь радостный взоръ,
На тебя устремленный въ упоръ?

Слышишь пѣсню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейгъ мою!

Подъ моимъ топоромъ, распѣвая хвалы,
Раскачнулись въ лазури стволы!

Голосъ твой—онъ звончѣй пѣсенъ старой сосны.
Сольвейгъ! Пѣсня зеленой весны!

II.

СОЛЬВЕЙГЪ.

Сольвейгъ! О, Сольвейгъ! О, Солнечный Путь!
Дай мнѣ вздохнуть, освѣжить мою грудь!

Въ темныхъ провалахъ, гдѣ дышитъ гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха—сова?
Чьи раздаются во мракѣ слова?

Чей ослѣпительный плащъ на лету
Путь открываетъ въ твою высоту?

Знаю—въ горахъ распѣваютъ рога,
Волей твоей зацвѣтаютъ луга.

Дай отдохнуть на уступѣ скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Внизъ сорвались, какъ потоки дождя,

Чтобъ надъ омытой душой въ вышинѣ
День золотой былъ всерадостенъ мнѣ!

III.

На весеннемъ пути въ теремокъ
Перелетный вспорхнулъ вѣтерокъ,
Прозвенѣлъ золотой голосокъ.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмѣла лица.

И ушла въ синеватую даль,
Гдѣ дымилась весенняя таль,
Гдѣ кружилась надъ лѣсомъ печаль.

Тамъ—въ березовомъ дальнемъ кругу—
Старикашка сгибалъ изъ березы дугу
И примѣтилъ ее на лугу.

Закричалъ и запрыгалъ на пнѣ:
— Ты, красавица, вѣрно—ко мнѣ!
— Стосковалась въ своей тишинѣ!

За корявые пальцы взялась,
Съ бородою зеленой сплелась
И съ туманомъ лѣснымъ поднялась.

Такъ тоскуютъ они объ одномъ,
Такъ летаютъ они вечеркомъ,
Такъ вѣнчалась весна съ колдуномъ.

IV.

БОЛОТНЫЙ ПОПИКЪ.

На весенней проталинкѣ
За вечерней молитвою—маленькій
Попикъ болотный виднѣется.

Ветхая ряска надъ кочкой
Чернѣется
Чуть замѣтною точкой.

И въ безбурности зорь красноватыхъ
Не видать чертенятъ бѣсноватыхъ,
Но вечерняя прелесть
Увила вкругъ него свои тонкія руки...
Предзакатные звуки...
Легкій шелестъ.

Тихонько онъ молится,
Улыбается, клонится,
Приподнявъ свою шляпу.
И лягушкѣ хромой, ковыляющей,
Травой исцѣляющей
Перевяжетъ болящую лапу.

Перекреститъ и пуститъ гулять:
— Вотъ, ступай въ родимую гать.
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому звѣрю
— И о всякой вѣрѣ.

И тихонько молится,
Приподнявъ свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звѣриную лапу,
И за римскаго папу.—

Не бойся пучины тряской,
Спасетъ тебя черная ряска.

V.

ТВАРИ ВЕСЕННІЯ.

(Изъ альбома «Kindisch» Т. Н. Гиппіусъ).

Золотисты лица купальницъ.
Ихъ стебель влаженъ.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
Въ лѣсныя душистыя скважины.
Тамъ, гдѣ проталины,
Молчать повелѣно,
И весной непомѣрной взлелѣяны
Посѣдѣлыхъ тумановъ развалины.
Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы въ листвѣ и въ тѣни
Издали начинаемъ вникать въ отдаленныя трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты безкровныя губы.
Чуда! о чуда!
Тихонько дымъ

Поднимается съ пруда...
Мы еще помолчимъ.
Утро сонной тропою пустило стрѣлу,
Но одна на рукѣ опрокинутой ввысь
Ладонью въ стволистую мглу
Свѣтляка подняла... Оглянись:
Гдѣ ты скроешь зеленаго свѣта ночную иглу?
Нѣтъ, свѣтись,
Свѣтлячекъ, молчаливой понятный!
Кусочекъ свѣта,
Клочочекъ разсвѣта...
Будетъ вамъ день беззакатный!
Съ ночкой вы не радѣли,—
Вотъ и все ушло...
Ночку вы не жалѣли--
И становится слишкомъ свѣтло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться и лаяться,
Вы, зеленыя, крѣпкія, малыя,
Твари милыя, небывалыя.
Туманъ клубится, проносится
По сѣдымъ прудамъ.
Скоро каждый чортикъ запросится
Ко Святымъ Мѣстамъ.

VI.

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА.

ГРИГОРІЮ Е.

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идетъ на Востокъ.
Вотъ сидитъ возлѣ бѣлой околицы,
Обвѣваетъ ее вечерокъ.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются въ кустахъ
На костыль, на мѣшокъ, на сухарики,
На усталыя ноги въ лаптяхъ.

«Эта странница, вѣрно, не рада намъ—
«Приложилась къ мощамъ—и свята;
«Надышалась божественнымъ ладономъ,
«Чтобы видѣть Святыя Мѣста.

«Чтобъ итти ей тропинками злачными,
«На зеленую травку присѣсть;
«Чтобъ высоко надъ елями мрачными
«Пронеслась золотистая вѣсть».

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядятъ на костыль,
Униженно въ травѣ кувыркаются,
Поднимаютъ копытцами пыль:

«Ты прости насъ, старушка ты Божія,
«Не бери насъ въ Святыя Мѣста!
«Мы и здѣсь лобызаемъ подножія
«Своего полевого Христа.

«Занимаются села пожарами,
«Грозовая надъ нами весна,
«Но за майскими тонкими чарами
«Затлѣваетъ и намъ Купина»...

VII.

НА ПЕРЕКРЕСТКѢ.

На перекресткѣ,
Гдѣ даль поставила,
Въ печальномъ весельи встрѣчаю весну.

На землѣ еще жесткой
Пробивается первая травка.
И въ кружевѣ березки—
Далеко—глубоко—
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западѣ, рдѣя отъ холода,
Солнце, какъ мѣдный шлемъ воина,
Обращеннаго ликомъ печальнымъ
Къ инымъ горизонтамъ,
Къ инымъ временамъ...

И шишакъ—золотое облако—
Тянетъ ввысь бѣлыми перьями
Надъ дерзкой красою
Лохмотій вечернихъ моихъ!

И жалкія крылья мои—
Крылья вороньяго пугала—
Пламенѣютъ, какъ солнечный шлемъ,
Отблескомъ вечера...
Отблескомъ счастія...

И кресты—и далекія окна—
И вершины зубчатаго лѣса—
Все дышитъ лѣнивымъ
И бѣлымъ размѣромъ весны.

VIII.

ПѢСЕНКА.

Она поетъ въ печной трубѣ.
Ея веселый голосъ тонокъ.
Мгла опочила на тебѣ.
За дверью плачетъ твой ребенокъ.

Весна, весна! Какъ воздухъ пустъ!
Какъ вечеръ непомѣрно скуденъ!
Вонъ—тощей вербы голый кустъ—
Унылый призракъ долгихъ буденъ.

Вотъ вечеръ кутаетъ окно
Сплошными бѣлыми тѣнями.
Мое лицо освѣщено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотрѣть въ упоръ,—
Въ душѣ бездумность и безпечность!
Тамъ вихремъ разметенъ костеръ,
Но искры улетѣли въ вѣчность.

Глаза горятъ, какъ двѣ свѣчи.
О чемъ она тоскуетъ звонко?
Поймемъ. Не то пронзятъ ребенка
Безумныхъ глазъ твоихъ мечи.

IX.

ОБМАНЪ.

Въ пустомъ переулкѣ весеннія воды
Бѣгутъ, бормочутъ, а дѣвушка хохочетъ.
Пьяный красный карликъ не даетъ проходу,
Пляшетъ, брызжетъ воду, платье мочитъ.

Дѣвушкѣ страшно. Закрылась платочкомъ.
Темный вечеръ ближе. Солнце за трубой.
Карликъ прыгнулъ въ лужицу краснымъ комочкомъ,
Гонитъ струйку къ струйкѣ сморщенной рукой.

Дѣвушку манитъ двойное отраженье.
Издали мигнулъ одинокій фонарь.
Красное солнце сѣло за строенье.
Хохотъ. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Гдѣ-то каплетъ съ крыши... гдѣ-то кашель старика...
Безжизненно цѣпляются холодныя руки...
Въ расширенныхъ глазахъ не видно зрачка.

. . . .

Какъ страшно! Какъ бездомно! Тамъ—у забора
Легла некрасивымъ мокрымъ комкомъ.
Плачетъ, чтобы ночь протянулась не скоро:
Стыдно возвратиться съ дьявольскимъ клеймомъ...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутыя кадки.
Въ свѣтлыхъ струйкахъ весело танцуетъ синева.
По улицамъ ставятъ красныя рогатки.
Шлепаютъ солдатики: разъ! два! разъ! два!

Въ переулкѣ у мокраго забора надъ тѣломъ
Спящей дѣвушки—трясется, бормочетъ голова;
Безобразный карликъ занятъ дѣломъ:
Спускаетъ въ ручеекъ башмаки: разъ! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняетъ ихъ красный колпакъ...
Хохотъ. Всплески. Брызги. Еще мгновенье—
Плывутъ собачьи уши, борода и красный фракъ...

Пронеслись,—и струйки шепчутъ невнятно.
Дѣвушка медленно очнулась отъ сна:
Въ глазахъ ея красно-голубыя пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

1904. Весна.

X.

НЕВИДИМКА.

Веселье въ ночномъ кабакѣ.
Надъ городомъ синяя дымка.
Подъ красной зарей вдалекѣ
Гуляетъ въ поляхъ Невидимка.

Танцуетъ надъ топью болотъ,
Кольцомъ окружающихъ домы,
Протяжно зоветъ и поетъ
На голосъ, на голосъ знакомый.

— Вамъ сладко вздыхать о любви,
— Слѣпыя, продажныя твари?
— Кто небо запачкалъ въ крови?
— Кто вывѣсилъ красный фонарикъ?

И воетъ, какъ брошеный песъ,
Мяучетъ, какъ сладкая кошка,
Пучки вечерѣющихъ розъ
Швыряетъ блудницамъ въ окошко...

И ломится въ черный притонъ
Ватага веселыхъ и пьяныхъ,
И каждый во мглу увлеченъ
Толпой проститутокъ румяныхъ...

Въ тѣни гробовой фонари,
Смолкаетъ надъ городомъ грохотъ...
На красной полоскѣ зари
Беззвучный качается хохотъ...

Вечерняя надпись пьяна
Надъ дверью отворенной въ лавку...
Вмѣшалась въ безумную давку
Съ расплеснутой чашей вина
На Звѣрѣ Багряномъ—Жена.

XI.

ЛЕГЕНДА.

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?—
Весна плыла высоко въ синевѣ.
На глухую улицу въ полночь вышли
Веселыя дѣвушки. Было—двѣ.

Но Третій за ними—за ними слѣдомъ
Мелькалъ, неслышный, въ лучѣ фонаря.
Онъ былъ невѣдомъ... одной невѣдомъ:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синѣй и синѣе полночь мерцала,
Тая, млѣя, сгарая полношумной весной.
И одна сказала... Ты слышишь?—сказала:
— О, какъ страшно, подруга... быть съ тобой.

И была эта дѣвушка въ бѣломъ... въ бѣломъ,
А другая—въ черномъ... Твоя ли дочь?
И одна—дрожала слабенькимъ тѣломъ,
А другая—смѣялась, бѣжала въ ночь...

Ты слышишь, Господи? Сжалься! О, сжалься!
Другая, смѣясь, убѣжала прочь...
И на улицѣ мертвой, пустынной остались...
Остались... Третій, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродитъ, чуть бѣлѣетъ заря...
Но синій пологъ упалъ такъ низко
И задернулъ послѣдній свѣтъ фонаря.

Былъ синій пологъ. Былъ сумракъ дологъ.
И ночь прошла мимо нихъ, пьяна.
И когда въ травѣ заблестѣлъ осколокъ,
Она осталась совсѣмъ одна.

И первыхъ лучей протянулись нити,
И слабыя руки схватили нить...
Но ужъ городъ, гудя чредою событій,
Гдѣ-то тамъ, далеко, началъ жить...

Былъ любовный напитокъ—въ красной пачкѣ кредитокъ,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу далъ непомѣрный избытокъ,
И отравленной пыли полетѣли столбы.

Подходили сосѣди и шептались докучно.
Дымно-сизый старикъ оперся на костыль—
И кругомъ стало душно... А въ поляхъ однозвучно
Хохоталъ Невидимка—и разбрасывалъ пыль.

Въ этомъ огненномъ смерчѣ обняла она крѣпче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь.
Боже Правый! Содѣлай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой разящій и карающій мечъ!

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангелъ съ убѣленной рукой:
Всѣмъ казалось—Онъ вышелъ изъ маленькой лавки,
И казалось, что былъ Онъ—перепачканъ мукой.

Но ужъ твердь разрывало. И земля отдыхала.
Подъ дождемъ умолкала пѣсня дальнихъ колесъ...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангелъ бѣлую дѣвушку въ Домъ Свой унесъ.

XII.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ.

Королевна жила на высокой горѣ,
И надъ башней дымились прозрачные сны облаковъ.
Темный рыцарь въ тяжелой кольчугѣ шепталъ
о любви на зарѣ,
Въ тѣ часы, когда Рейнъ выступалъ изъ своихъ береговъ.

Надъ зелеными рвами текла, розовѣя, весна.
Непомѣрность ждала въ синевахъ отдаленной черты.
И влюбленность звала—не дала отойти отъ окна,
Не смотрѣть въ роковыя черты, оторваться отъ свѣтлой мечты.

— Подними эту розу, шепнула—и вѣтеръ донесъ
Тишину улетающихъ латъ, бездыханный отвѣтъ.
— Въ синемъ утреннемъ небѣ найдешь Купину
расцвѣтающихъ розъ,
Онъ шепнулъ, и сверкнулъ, и взлетѣлъ, и она полетѣла
во слѣдъ.

И за облакомъ плыло и пѣло мерцаніе тьмы,
И влюбленность въ погонѣ забыла, забыла свой щитъ.
И она, окрылясь, полетѣла изъ отчей тюрьмы—
На воздушномъ пути королевна полетъ свой стремитъ.

Ужъ въ стремнинахъ туманъ, и рога созываютъ стада,
И завѣтная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражаетъ вода,
И надъ лѣсомъ погасли лучи.

Не смолкаетъ вдали властелиновъ борьба,
Распри дѣдовъ надъ ширью земель.
Но различна Судьба: здѣсь—мечтанье раба,
Тамъ—воздушной Влюбленности хмѣль.

И въ воздушный покровъ улетѣла на зовъ!
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительнѣй древнихъ законовъ отцовъ!
Слаще звука военной трубы!

XIII.

Такъ окрыленно, такъ напѣвно
Царевна пѣла о веснѣ.
И я сказалъ: «Смотри, царевна,
«Ты будешь плакать обо мнѣ».

Но руки мнѣ легли на плечи
И прозвучало: «Нѣтъ. Прости.
«Возьми свой мечъ. Готовься къ сѣчѣ.
«Я сохраню тебя въ пути».

И я сошелъ тропой уклонной
И слушалъ, опершись на мечъ,
Обѣтъ царевны благосклонной,
Ея торжественную рѣчь:

«Иди, иди, мой рыцарь дольній,
«Куда ведетъ тебя весна,
«Гдѣ безначальнѣй, безглагольнѣй
«Твой путь—пѣвучая струна.

«Я сохраню мой ледъ и холодъ,
«Замкнусь въ хрустальномъ терему,
«А ты вернешься, снова молодъ,
«И долгу вѣренъ своему.

«И будетъ радость въ долгихъ взорахъ,
«И тихо протекутъ года.
«Вкругъ замка будетъ вѣчный шорохъ,
«Во рву спокойная вода.

«Да, я готова къ поздней встрѣчѣ,
«Навстрѣчу руки протяну
«Тебѣ, несущему изъ сѣчи
«На острiѣ копья—весну».

Даль опустила синiй пологъ
Надъ замкомъ, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой дологъ.
Иду за огненной весной.

XIV.

ТИШИНА ЦВѢТЕТЪ.

Здѣсь тишина цвѣтетъ и движетъ
Тяжелымъ кораблемъ души,
И вѣтеръ, песъ послушный, лижетъ
Чуть пригнутые камыши.

Здѣсь въ заводь праздную желанье
Свои приводитъ корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальнихъ ропотахъ земли.

Здѣсь легкимъ образамъ и думамъ
Я отдаю стихи мои,
И томнымъ ихъ встрѣчаютъ шумомъ
Рѣки согласныя струи.

И томно опустивъ рѣсницы,
Вы, дѣвушки, въ стихахъ прочли,
Какъ отъ страницы до страницы
Въ даль потянули журавли.

И каждый звукъ былъ вамъ намекомъ
И несказаннымъ—каждый стихъ.
И вы любили на широкомъ
Просторѣ легкихъ рѳмъ моихъ.

И каждая навѣкъ узнала
И не забудетъ никогда,
Какъ обнимала, цѣловала,
Какъ пѣла тихая вода.

XV.

Ты въ поля отошла безъ возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красныя копья заката
Протянули ко мнѣ острiе.

Лишь къ Твоей золотой свирѣли
Въ черный день устами прильну.
Если всѣ мольбы отзвенѣли,—
Угнетенный, въ полѣ усну.

Ты пройдешь въ золотой порфирѣ—
Ужъ не мнѣ глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть въ этомъ сонномъ мiрѣ,
Цѣловать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

1905.
Страстная Суббота.

ДѢТСКОЕ

XVI.

БАЛАГАНЧИКЪ.

Вотъ открытъ балаганчикъ
Для веселыхъ и славныхъ дѣтей.
Смотрятъ дѣвочка и мальчикъ
На дамъ, королей и чертей.
И звучитъ эта адская музыка,
Завываетъ унылый смычекъ.
Страшный чортъ ухватилъ карапузика,
И стекаетъ клюквенный сокъ.

Мальчикъ.

Онъ спасется отъ чернаго гнѣва
Мановеніемъ бѣлой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слѣва...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это вѣрно сама королева...

Дѣвочка.

Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ ты дразнишь меня?
Это—адская свита...
Королева—та ходитъ средь бѣлаго дня,
Вся гирляндами розъ перевита,
И шлейфъ ея носитъ, мечами звеня,
Вздыхающихъ рыцарей свита.

Вдругъ паяцъ перегнулся за рампу
И кричитъ: «Помогите!
«Истекаю я клюквеннымъ сокомъ!
«Забинтованъ тряпицей!
«На головѣ моей—картонный шлемъ!
«А въ рукѣ деревянный мечъ!»
Заплакали дѣвочка и мальчикъ,
И закрылся веселый балаганчикъ.

XVII.

У МОРЯ.

Стоитъ полукругъ зари.
Скоро солнце совсѣмъ уйдетъ.
Смотри, папа, смотри,
Какой къ намъ корабль плыветъ!

Ахъ, дочка, лучше бы намъ
Уйти отъ берега прочь...
Смотри: онъ везетъ по волнамъ
Намъ свѣтлымъ—темную ночь.

Нѣтъ, папа, взгляни разокъ,
Какой на немъ пестрый флагъ!
Ахъ, какъ его голосъ высокъ!
Ахъ, какъ освѣщенъ маякъ!

Дочка, то сирена поетъ.
Берегись, пойдемъ-ка домой...
Смотри: ужъ туманъ ползетъ:
Корабль сталъ совсѣмъ голубой...

Но дочка плачетъ навзрыдъ,
Глубь морская ее манитъ,
И хочетъ пуститься вплавь,
Чтобы сонъ обратился въ явь.

XVIII.

ПОЭТЪ.

Сидятъ у окошка съ папой.
Надъ берегомъ вьются галки.

Дождикъ, дождикъ! Скорѣй закапай!
У меня есть зонтикъ на палкѣ!

Тамъ—весна. А ты—зимняя плѣнница,
Бѣдная дѣвочка въ розовомъ капорѣ...
Видишь, море за окнами пѣнится?
Полетимъ съ тобой, дочка, за море.

А за моремъ есть мама?
Нѣтъ.
А гдѣ мама?
Умерла.
Что это значитъ?
Это значитъ: вонъ идетъ глупый поэтъ:
Онъ вѣчно о чемъ то плачетъ.
О чемъ?
О розовомъ капорѣ.
Такъ у него нѣтъ мамы?
Есть. Только ему нипочемъ: ему хочется за море,
Гдѣ живетъ Прекрасная Дама.
А эта Дама—добрая?
Да.
Такъ зачѣмъ же она не приходитъ?
Она не придетъ никогда:
Она не ѣздитъ на пароходѣ.

Подошла ночка
Кончился разговоръ папы съ дочкой.

XIX.

Въ туманахъ, надъ сверканьемъ росъ,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я въ старомъ паркѣ дѣдовъ росъ,
И солнце золотило кудри.

Не погасалъ лѣсной пожаръ,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрѣлой бросался я въ угаръ,
Цѣлуя воздухъ незнакомый.

И проходили сонмы лицъ,
Всегда чужихъ и вѣчно взрослыхъ,
Но я любилъ взлетанье птицъ
И лодку,—и на лодкѣ весла.

Я уплывалъ одинъ въ затонъ
Бездонной заводи и мутной,
Гдѣ утлый островъ окруженъ
Стѣною ельника уютной.

И тамъ въ развѣсистую ель
Я доску клалъ и съ нею рѣялъ,
И таяла моя качель,
И сонный вѣтеръ тихо вѣялъ.

И было, какъ на Рождествѣ,
Когда игра давалась даромъ,
А жизнь всходила синимъ паромъ
Къ сусально-звѣздной синевѣ.

XX.

ВЕРБОЧКИ.

Мальчики да дѣвочки,
Свѣчечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожіе крестятся,
И пахнетъ весной.

Вѣтерокъ удаленькій,
Дождикъ, дождикъ маленькій,
Не задуй огня!

Въ Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

XXI.

Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
О всѣхъ забывшихъ радость свою.

Такъ пѣлъ ея голосъ, летящій въ куполъ,
И лучъ сіялъ на бѣломъ плечѣ,
И каждый изъ мрака смотрѣлъ и слушалъ,
Какъ бѣлое платье пѣло въ лучѣ.

И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
Что въ тихой заводи всѣ корабли,
Что на чужбинѣ усталые люди
Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.

И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
И только высоко, у Царскихъ Вратъ,
Причастный Тайнамъ,—плакалъ ребенокъ
О томъ, что никто не придетъ назадъ.

XXII.

Въ лапахъ косматыхъ и страшныхъ
Колдунъ укачалъ весну.
Вспомнили дѣти о снахъ вчерашнихъ,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула въ глаза.
На закатѣ полоской алой
Покатилась къ землѣ слеза.

— Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидимъ во снѣ.
Всю вчерашнюю ночь она пѣла съ мачты,
А корабль уплывалъ къ Веснѣ.

Онъ плылъ и качался, плылъ и качался,
А бѣдный матросикъ смотрѣлъ на югъ:
Онъ друга оставилъ и въ слезахъ надрывался,
Вѣрно, есть у тебя печальный другъ?

— Милая дѣвочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во снѣ.
Ты къ вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мнѣ...

XXIII.

СЫНЪ И МАТЬ.

МОЕЙ МАТЕРИ.

Сынъ осѣняется крестомъ.
Сынъ покидаетъ отчій домъ.

Въ пѣсняхъ матери оставленной
Золотая радость есть:
Только бъ онъ пришелъ прославленный,
Только бъ радость перенесть!

Вотъ въ доспѣхѣ ослѣпительномъ,
Слышно, ходитъ сынъ во мглѣ.
Духъ свой предалъ небожителямъ,
Сердце—матери землѣ.

Пѣтухи поютъ къ заутренѣ,
Ночь испуганно бѣжитъ.
Хриплый рогъ тумановъ утреннихъ
За спиной ея трубитъ.

Поднялись надъ луговинами
Кудри спутанныя мховъ.
Мѣтятъ взорами совиными
Въ стаю легкихъ облаковъ.

Вотъ онъ, сынъ мой, въ свѣтломъ облакѣ,
Въ шлемѣ утренней зари!
Сыплетъ онъ стрѣлами колкими
Въ чернолѣсья, въ пустыри!..

Вѣетъ вѣтеръ очистительный
Отъ небесной синевы.
Сынъ бросаетъ мечъ губительный,
Шлемъ снимаетъ съ головы.

Точитъ грудь его пронзенная
Кровь и горнія хвалы:
Здравствуй, даль освобожденная
Отъ ночной туманной мглы!

Сынъ не забылъ родную мать:
Сынъ воротился умирать.

Въ сердцѣ матери оставленной
Золотая радость есть:
Вотъ онъ, сынъ мой, окровавленный!
Только бъ радость перенесть!

XXIV.

УГАРЪ.

Заплетаемъ, расплетаемъ
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будемъ счастьемъ, будемъ раемъ,
Только знайте: вы—рабы.

Мы ребенку кудри чешемъ,
Пѣсни длинныя поемъ,
Поиграемъ и потѣшимъ—
Будетъ маленькимъ царемъ,
Царь повырастетъ потомъ...

Вотъ ребенокъ засыпаетъ
На груди твоей, сестра...
Слышишь, онъ во снѣ вздыхаетъ,—
Видитъ красный свѣтъ костра:
На костеръ итти пора!

Положи вѣнокъ багряный
Изъ удушливыхъ углей
Въ завитки его кудрей:
Пусть онъ грезитъ въ часъ румяный,
Что на немъ—вѣнецъ царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходитъ почивать!
Пѣсня носится по міру—
Будутъ Ангелы вздыхать,
Надъ костромъ, кружа, рыдать...

Тихо въ сонной колыбели
Успокоился царекъ.
Дѣвы-сестры улетѣли—
Сизый стелется дымокъ,
Рдѣетъ красный уголекъ.

XXV.

РОЖДЕСТВО.

Звонкимъ колоколъ ударомъ
Будитъ зимній воздухъ.
Мы работали не даромъ,
Будетъ свѣтелъ отдыхъ.

Серебрится легкій иней
Около подъѣзда.
Серебристыя на синей
Ясной тверди звѣзды.

Какъ прозраченъ, бѣлоснѣженъ
Блескъ узорныхъ оконъ!
Какъ пушистъ и мягко нѣженъ
Золотой твой локонъ!

Какъ тонка ты въ красной шубкѣ
Съ бантикомъ въ косицѣ!
Засмѣешься—вздрогнутъ губки,
Задрожатъ рѣсницы.

Веселишь ты всѣхъ прохожихъ—
Молодыхъ и старыхъ,
Некрасивыхъ и пригожихъ,
Толстыхъ и поджарыхъ.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся далѣ,
Будто вовсе, какъ смѣются
Дѣти, не видали.

И пойдешь ты дальше съ мамой
Покупать игрушки
И разсматривать за рамой
Звѣзды и хлопушки...

Ты сама нарядишь елку
Въ звѣзды золотыя
И привяжешь къ вѣткѣ колкой
Яблоки большія,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотыя нити.
Вѣтки крѣпкія раздвинешь,
Крикнешь:—Посмотрите!

Крикнешь ты, поднимешь вѣтку
Тонкими руками...
А ужъ тамъ смѣется дѣдка
Съ бѣлыми усами!

XXVI.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спятъ луга, спятъ лѣса,
Пала Божія роса,
Въ небѣ звѣздочки горятъ,
Въ рѣчкѣ струйки говорятъ,
Къ намъ въ окно луна глядитъ,
Малымъ дѣтямъ спать велитъ.
Спите, спите, поздній часъ,
Завтра братъ разбудитъ васъ,
Братній въ золотѣ кафтанъ,
Въ серебрѣ мой сарафанъ,
Встрѣчу брата и пойду,
Спрячусь въ Божіемъ саду,
А подъ вечеръ братъ уснетъ
И меня гулять пошлетъ.
Сладкій сонъ вамъ пошлю,
Тихой сказкой усыплю,
Сказку сонную скажу,
Какъ дѣтей сторожу...
Спите, спите, спать пора.
Дѣтямъ спится до утра...

МАГИЧЕСКОЕ

XXVII.

НЕЗНАКОМКА.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И правитъ окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.

Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загородныхъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается дѣтскій плачъ.

И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.

Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ, ко всему пріученный,
Безсмысленно кривится дискъ.

И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отраженъ
И влагой терпкой и таинственной,
Какъ я, смиренъ и оглушенъ.

А рядомъ, у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы съ глазами кроликовъ
«In vino veritas!» кричатъ.

И каждый вечеръ въ часъ назначенный
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ, шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.

И медленно, пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.

Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу,
И очи синія, бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.

Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

Озерки.
Апрѣль 1906.

XXVIII.

НЕЗНАКОМКА.

Варіантъ.

Тамъ дамы щеголяютъ модами,
Тамъ всякій лицеистъ остеръ—
Надъ скукой дачъ, надъ огородами,
Надъ пылью солнечныхъ озеръ.

Туда манитъ перстами алыми
И дачниковъ волнуетъ зря
Надъ запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Тамъ, гдѣ скучаю такъ мучительно,
Ко мнѣ приходитъ иногда
Она—безстыдно-упоительна
И унизительно горда.

Надъ столиками, надъ старушками,
Надъ сномъ привычной суеты
Сквозитъ вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкія черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звѣздой,
И оглушенный и взволнованный
Виномъ, зарею и тобой?

Вздыхая древними повѣрьями,
Шелками черными шумна,
Подъ шлемомъ съ траурными перьями
И ты виномъ оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что дѣлать мнѣ съ тобой,
Недостижимой и единственной,
Какъ вечеръ дымно-голубой?

XXIX.

Твое лицо блѣднѣй, чѣмъ было
Въ тотъ день, когда я подалъ знакъ,
Когда, замедливъ, торопила
Ты легкій, предвечерній шагъ.

Вотъ я стою, всему покорный,
У немерцающей стѣны.
Что сердце? Свитокъ чудотворный,
Гдѣ страсть и горе сочтены!

Повѣрь, мы оба небо знали:
Звѣздой кровавой ты текла,
Я измѣрялъ твой путь въ печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньемъ несказаннымъ
Одну и ту же высоту
И вмѣстѣ пали за туманомъ,
Чертя уклонную черту.

Но я нашелъ тебя и встрѣтилъ
Въ неосвѣщенныхъ воротахъ,
И этотъ взоръ не меньше свѣтелъ,
Чѣмъ былъ въ туманныхъ высотахъ.

Комета! Я прочелъ въ свѣтилахъ
Всю повѣсть раннюю твою,
И лживый блескъ созвѣздій милыхъ
Подъ чернымъ шелкомъ узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь въ тѣни, какъ тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейфъ влачишь, какъ та звѣзда.

Не медли, въ темныхъ тѣняхъ кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкій поясъ—
Сужденный магу млечный путь.

XXX.

Шлейфъ, забрызганный звѣздами,
Синій, синій, синій взоръ.
Межъ землей и небесами
Вихремъ поднятый костеръ.

Жизнь и смерть въ круженьи вѣчномъ,
Вся въ шелкахъ тугихъ—
Ты—путямъ открыта млечнымъ,
Скрыта въ тучахъ грозовыхъ.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свѣтъ, пролейся мгла...
Ты—рукою узкой, бѣлой, странной
Факелъ-кубокъ въ руки мнѣ дала.

Кубокъ-факелъ брошу въ куполъ синій,—
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь надъ всей пустыней
Шлейфъ кометы развернуть.

Дай серебряныхъ коснуться складокъ,
Равнодушнымъ сердцемъ знать,
Какъ мой путь страдальный сладокъ,
Какъ легко и ясно умирать.

XXXI.

Тамъ, въ ночной завывающей стужѣ,
Въ полѣ звѣздъ отыскалъ я кольцо.
Вотъ лицо возникаетъ изъ кружевъ,
Возникаетъ изъ кружевъ лицо.

Вотъ плывутъ ея вьюжныя трели,
Звѣзды свѣтлыя шлейфомъ влача,
И взлетающій бубенъ метели,
Бубенцами призывно бренча.

Съ легкимъ трескомъ разсыпался вѣеръ,
Разверзающій звѣздную месть,
Но въ глазахъ, обращенныхъ на сѣверъ,
Мнѣ холодному—жгучая вѣсть.

И надъ мигомъ свивая покровы,
Вся окутана звѣздами вьюгъ,
Уплываешь ты въ сумракъ снѣговый,
Мой отъ вѣка загаданный другъ.

XXXII.

НОЧЬ.

Поднялась стезею млечной,
Осіянная—плыветъ.
Красный шлемъ остроконечный
Бороздитъ небесный сводъ.

Въ длинномъ черномъ одѣяньи,
Въ сонмѣ черныхъ колесницъ,
Въ блѣдно-фосфорномъ сіяньи —
Ночь плыветъ путемъ царицъ.

Подъ луной мерцаютъ пряжки
До лица закрытыхъ ризъ.
Оперлась на циркуль тяжкій,
Равнодушно смотритъ внизъ.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли полъ-чела.
Тѣнью крылій—половину
Всей подлунной обняла.

Кто ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
Въ нимбѣ краснаго огня?

XXXIII.

ПЕТРЪ.

ЕВГ. ИВАНОВУ.

Онъ спитъ, пока закатъ румянъ.
И сонно розовѣютъ латы.
И съ тихимъ свистомъ сквозь туманъ
Глядится Змѣй, копытомъ сжатый.

Сойдутъ глухіе вечера,
Змѣй расклубится надъ домами,
Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей.
Блеснутъ витрины и троттуары.
Въ мерцаньи тусклыхъ площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всѣхъ укроетъ мгла,
Потонетъ взглядъ въ манящемъ взглядѣ.
Пускай невинность изъ угла
Протяжно молитъ о пощадѣ:

Тамъ—на скалѣ—веселый царь
Взмахнулъ зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящій облачила!

Бѣгите всѣ на зовъ! на ловъ!
На перекрестки улицъ лунныхъ!
Весь городъ полонъ голосовъ
Мужскихъ—крикливыхъ, женскихъ—струнныхъ!

Онъ будетъ городъ свой беречь,
И, заалѣвъ передъ денницей,
Въ рукѣ простертой вспыхнетъ мечъ
Надъ затихающей столицей.

XXXIV.

ВЕЧЕРЪ.

Въ высь изверженные дымы
Застилали свѣтъ зари.
Былъ театръ окутанъ мглою.
Ждали новой пантомимы,
Надъ вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и смѣнились,
Утонули въ темной массѣ
Прибывающей толпы.
Сквозь туманъ лучи дробились,
И мерцали въ дальней кассѣ
Золоченые гербы.

Гулкій городъ, полный дрожи,
Выросталъ у входа въ залъ.
Звуки бѣшено ломились...
Но, взлетая къ двери ложи,
Рокотъ смутно замиралъ,
Гдѣ поклонники толпились..

Въ темномъ залѣ свѣтъ заемный
Могъ мерцать и отдохнуть.
Въ ложѣ—вѣщая сибилла,
Облачась въ уборъ нескромный,
Черный вѣеръ распустила,
Чернымъ шелкомъ оттѣнила
Блѣдно-матовую грудь.

Лишь въ глазахъ таился вызовъ,
Но въ глаза вливался мракъ...
И отъ ложъ до темной сцены,
Съ позолоченныхъ карнизовъ,
Отраженный, перемѣнный—
Свѣтъ мерцалъ въ глазахъ зѣвакъ.

Я покину сонъ угрюмый,
Буду первый предъ толпой:
Взору смерти—взоръ отвѣтный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану въ очередь съ тобой.

XXXV.

Блеснуло въ глазахъ. Метнулось въ мечтѣ.
Прильнуло къ дрожащему сердцу.
Красный съ козелъ спрыгнулъ—и на свѣтлой чертѣ
Распахнулъ каретную дверцу.

Нищій поднялъ дрожащій фонарь:
Афиша на мокромъ столбѣ...
Ступила на свѣтлый троттуаръ,
Исчезла въ толпѣ.

Лучъ дождливую мглу пронизалъ—
Богиня вступила въ склепъ.
Гори, маскарадный залъ!
Здѣсь нищій во мглѣ ослѣпъ.

XXXVI.

ГИМНЪ.

Въ пыльный городъ небесный кузнецъ прикатилъ
Огневой перемѣнчивый дискъ.
И по улицамъ—словно безчисленныхъ пилъ
Смѣхъ и скрежетъ и визгъ.

Вотъ въ окно, гдѣ спокойно текла
Пыльно-сѣрая мгла, —
Лучъ вонзился въ прожженное сердце стекла,
Какъ игла.

Всѣ испуганно пьяной толпой
Покидаютъ могилы домовъ...
Вотъ—всѣмъ тѣломъ прижатъ подъ фабричной трубой
Незнакомый съ весельемъ разгульныхъ часовъ.

Онъ вонзился ногтями въ кирпичъ
Въ унизительной позѣ грѣха...
Но небесный кузнецъ раздуваетъ мѣха,
И свиститъ раскаленный пылающій бичъ.

Вотъ—на грудѣ горячихъ камней
Распростерта не смѣвшая пасть...
Грудь раскрыта—и бродитъ межъ темныхъ бровей
Набѣжавшая страсть.

Вотъ—зовущая взглядомъ самца—
Вся—въ изломѣ закинутыхъ рукъ...
Въ тѣсно сжатыхъ губахъ, въ очертаньи лица—
Просыпается звукъ.

Всѣмъ раскрывшимъ предъ солнцемъ тоскливую грудь
На распутьяхъ, въ подвалахъ, на башняхъ—хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь—
Наши гимны, и пѣсни, и сны—безъ числа!..
Золотая игла!
Исполинскимъ лучомъ пораженная мгла!

Опаленнымъ, сметеннымъ, сожженнымъ до тла—
Хвала!

XXXVII.

ЕВГ. ИВАНОВУ.

Городъ въ красные предѣлы
Мертвый ликъ свой обратилъ.
Сѣро-каменное тѣло
Кровью солнца окатилъ.

Стѣны фабрикъ, стекла оконъ,
Грязно-рыжее пальто,
Развѣвающійся локонъ,—
Все закатомъ залито.

Цѣломудренныя лица
Кажутъ бѣлый рядъ зубовъ.
Въ каждой дѣвушкѣ—блудница,
Въ каждомъ помыслѣ—альковъ.

Блещутъ искристыя гривы
Золотыхъ, какъ жаръ, коней;
Мчатся бѣшеныя дивы
Жадныхъ облачныхъ грудей,

Красный дворникъ плещетъ ведра
Съ пьяно-алою водой,
Пляшутъ огненныя бедра
Проститутки площадной,

И на башнѣ колокольной
Въ гулкій плясъ и мѣдный зыкъ
Кажетъ колоколъ раздольный
Окровавленный языкъ.

XXXVIII.

Вѣчность бросила въ городъ
        Оловянный закатъ.
Край небесный распоротъ.
        Переулки гудятъ.

Все безсилье гаданья
        У меня на плечахъ.
Въ окнахъ фабрикъ—преданья
        О разгульныхъ ночахъ.

Оловянныя кровли —
      Всѣмъ безумнымъ пріютъ.
Въ этотъ городъ торговли
      Небеса не сойдутъ.

Этотъ воздухъ такъ гулокъ,
      Такъ заманчивъ обманъ.
Уводи, переулокъ,
      Въ дымно-сизый туманъ...

XXXIX.

Иду—и все мимолетно.
Вечерѣетъ—и газъ зажгли.
Музыка ведетъ безповоротно,
Куда глядятъ глаза мои.

Они глядятъ въ подворотни,
Гдѣ шарманщикъ вздыхалъ надъ тѣнью своей...
Не встрѣчу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно...
Можетъ быть слишкомъ упорно еще...
И—внезапно—тѣнью гадательной
Вольная дѣва въ огненномъ плащѣ.

Въ огненномъ! Выйди за поворотъ:
На глазахъ твоихъ повязка лежитъ еще...
И она тебя кольцомъ неразлучнымъ сожметъ
Въ змѣиномъ логовищѣ.

XL.

Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ,
Въ электрическомъ снѣ наяву
Я искалъ безконечно красивыхъ
И безсмертно влюбленныхъ въ молву.

Были улицы пьяны отъ криковъ,
Были солнца въ сверканьи витринъ!
Красота этихъ женственныхъ ликовъ!
Эти гордые взоры мужчинъ!

Это были цари—не скитальцы!
Я спросилъ старика у стѣны:
— Ты украсилъ ихъ тонкіе пальцы
— Жемчугами несмѣтной цѣны?

— Ты имъ далъ разноцвѣтныя шубки?
— Ты зажегъ ихъ снопами лучей?
— Ты раскрасилъ пунцовыя губки,
— Синеватыя дуги бровей?

Но старикъ ничего не отвѣтилъ,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно свѣтелъ,
Эту музыку блеска впивать.

А онѣ проходили все мимо,
Смутно каждая въ сердцѣ тая,
Чтобъ навѣки, ни съ кѣмъ несравнимой,
Отлетѣть въ голубые края...

И мелькала за парою пара...
Ждалъ я Свѣтлаго Ангела къ намъ,
Чтобы здѣсь—въ ликованьи троттуара—
Онъ одну пріобщилъ къ небесамъ...

А вверху—на уступѣ опасномъ—
Тихо съежившись, карликъ приникъ,
И казался намъ знаменемъ краснымъ
Распластавшійся въ небѣ языкъ.

ОТРАВЫ

XLI.

Лазурью блѣдной мѣсяцъ плылъ
Изогнутымъ перстомъ.
У всѣхъ, къ кому я приходилъ,
Былъ алый ротъ крестомъ.

Оскалъ зубовъ являлъ печаль,
И за вѣнцомъ волосъ
Качалась мѣрно комнатъ даль,
Гдѣ властвовалъ хаосъ.

У женщинъ взоръ былъ тусклъ и тупъ,
И страшенъ былъ ихъ взоръ:
Я зналъ, что судороги губъ
Открыли ихъ позоръ.

Что пили ночь и забытье,
Но день ихъ опалилъ...
Какъ страшно мирное жилье
Для тѣхъ, кто измѣнилъ!

Имъ смутно помнились шаги,
Паденій тайный страхъ,
И плыли красные круги
Въ измученныхъ глазахъ.

Меня сжималъ, какъ змѣй, диванъ,
Пытливый гость—я зналъ,
Что комнатъ бархатный туманъ
Мнѣ душу отравлялъ.

Но душу нѣжную губя,
Въ себя вонзая ножъ,
Я въ мукахъ узнавалъ тебя,
Блистательная ложь!

О, запахъ пламенный духовъ,
О, шелестящій мигъ!
О, рѣчи маговъ и волхвовъ!
Пергаментъ желтыхъ книгъ!

Ты—безъимянная!—волхва
Невѣдомая дочь!
Ты нашептала мнѣ слова,
Свивающія ночь!

XLII.

Потѣха! Рокочетъ труба.
Кривляются бѣлыя рожи.
И видитъ на флагѣ прохожій
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглѣе іюльскаго дня,
Бормочетъ, монетой звеня,
«Слова слаще звуковъ Моцарта».

Кругомъ—возрастающій крикъ,
Свистки и нечистыя рѣчи,
И ярмарки гулу—далече
Въ поляхъ отвѣчаетъ зеленый двойникъ.

Въ палаткѣ все шепчетъ и шепчетъ,
И скоро сливаются звуки,
И быстрыя смуглыя руки
Впиваются крѣпче и крѣпче.

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительнымъ жестомъ
Встряхнула одеждой надъ проклятымъ мѣстомъ,
Гадаетъ... и шепчутъ уста.

И вновь завываетъ труба,
И въ памяти пыльной взвиваются рѣчи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

XLIII.

AN HANS GUENTHER.

Ты былъ осыпанъ звѣзднымъ цвѣтомъ
Ея торжественной весны,
И были пышно надъ поэтомъ
Восторгъ и горе сплетены.

Открылось небо надъ тобою,
Ты слушалъ пламенный хоралъ,
День бѣлый съ ночью голубою
Зарею алой сочеталъ.

Но въ мирной безраздумной сини
Очарованье доцвѣло,
И вотъ—осталась нѣжность линій
И въ нимбѣ пепельномъ чело.

Склонясь на цвѣтъ полуувядшій,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангелъ падшій,
Въ двойныя нѣжныя черты.

И, можетъ быть, въ бреду ползучемъ,
Межу не въ силахъ обойти,
Ты увѣнчаешься колючимъ
Вѣнцомъ запретнаго пути.

Такъ,—не забудь въ вѣнцѣ изъ терній,
Кому молился въ первый разъ,—
Когда обманетъ свѣтъ вечерній
Расширенныхъ и свѣтлыхъ глазъ.

1906.
Весна.

XLIV.

Ты смотришь въ очи яснымъ зорямъ,
А городъ ставитъ огоньки,
И въ переулкахъ пахнетъ моремъ,
Поютъ фабричные гудки.

И въ суетѣ непобѣдимой
Душа туманамъ предана...
Вотъ красный плащъ, летящій мимо,
Вотъ женскій голосъ, какъ струна.

И помыслы твои несмѣлы,
Какъ складки современныхъ ризъ...
И женщины—рѣсницы стрѣлы
Такъ часто опускаютъ внизъ.

Кого ты въ скользкой мглѣ замѣтилъ?
Чьи окна свѣтятъ сквозь туманъ?
Здѣсь ресторанъ, какъ храмы, свѣтелъ,
И храмъ открытъ, какъ ресторанъ...

На безъисходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дѣвъ, и рестораны
Погаснутъ всѣ—въ урочный часъ.

XLV.

Улица, улица...
Тѣни беззвучно спѣшащихъ
Тѣло продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
Въ сонное озеро города—зимняго холода...

Спите. Забудьте слова лучезарныхъ.

О, еслибъ не было въ окнахъ
Свѣтовъ мерцающихъ!
Шторъ и пунцовыхъ цвѣточковъ!
Лицъ, наклоненныхъ надъ скудной работой!

Все тихо.
Луна поднялась.
И облачныхъ перьевъ ряды
Разбѣжались далеко.

XLVI.

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой другъ—влюбленъ въ луну—живетъ ея обманомъ.
Вотъ—третій на пути. О, милый другъ мой, ты-ль
Въ измятомъ картузѣ надъ взоромъ оловяннымъ?

И—трое мы бредемъ. Лежитъ пластами пыль.
Все пусто—здѣсь и тамъ—подъ зноемъ неустаннымъ.
Заборы, какъ гроба. Въ канавахъ прѣетъ гниль.
Все, все погребено въ безлюдьи окаянномъ.

Стучимъ. Печаль въ домахъ. Покойники въ гробахъ.
Мы робко шепчемъ въ дверь: «Не умеръ — спитъ
вашъ близкій»...
Но старая, въ чепцѣ, наморщивъ лобъ свой низкій,
Кричитъ: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прахъ!»

И дальше мы бредемъ. И видимъ въ щели зданій
Старинную игру вечернихъ содроганій.

XLVII.

ИВАНОВА НОЧЬ.

Мы выйдемъ въ садъ съ тобою, скромной,
И будемъ странствовать одни.
Ты будешь за травою темной
Искать купальскіе огни.

Я буду ждать съ глубокой вѣрой
Чудесъ, желаемыхъ тобой:
Пусть вспыхнетъ папоротникъ сѣрый
Подъ встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнетъ зеленымъ свѣтомъ,—
Вѣдь съ нею вмѣстѣ вспыхнешь ты,
Упоена въ волшебствѣ этомъ
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любуясь втайнѣ,
Ночныхъ желаній не будя.
Твоихъ дѣвичьихъ очертаній—
Не бойся—не спугну, дитя!

Но, если ночь, встряхнувъ вѣтвями,
Захочетъ въ небѣ изнемочь,
Я загляну въ тебя глазами
Туманными, какъ эта ночь.

И будетъ мигъ, когда ты снидешь
Еще въ иныя небеса.
И въ новыхъ небесахъ увидишь
Лишь двѣ звѣзды—мои глаза.

Мигъ! Въ этомъ небѣ глазъ упорныхъ
Ты вся отражена—смотри!
И подъ навѣсъ вѣтвей узорныхъ
Проникло таинство зари.

XLVIII.

КОЛДУНЬЯ.

Ищу огней—огней попутныхъ
Въ твой черный, вѣдовской предѣлъ.
Межъ темныхъ заводей и мутныхъ
Огромный мѣсяцъ покраснѣлъ.

Его двойникъ плыветъ надъ лѣсомъ
И скоро станетъ золотымъ.
Тогда—просторъ болотнымъ бѣсамъ,
И водянымъ, и лѣсовымъ.

Вертлявый бѣсъ верхушкой ели
Проткнетъ небесный золотой,
И долго будутъ пѣть свирѣли,
И стадо звякать за рѣкой...

Но дальше путь, и мѣсяцъ выше,
И звѣзды меркнутъ въ серебрѣ.
И тихо озарились крыши
Въ ночной деревнѣ, на горѣ.

Иду, и холодѣютъ росы,
И серебрятся о тебѣ,
Все о тебѣ, расплетшей косы
Для друга тайнаго, въ избѣ.

Дай мнѣ пахучихъ, душныхъ зелій
И ядомъ сладкимъ заморочь,
Чтобъ, разъ вкусивъ твоихъ веселій,
Навѣки помнить эту ночь.

XLIX.

Ты можешь по травѣ зеленой
Всю церковь обойти,
И сѣсть на паперти замшеной
И кружево плести.

Ты можешь опустить рѣсницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку изъ ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Какъ цвѣтикъ голубой.
И эти косы слишкомъ длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь съ краснымъ бантомъ
И сѣмячки лущишь.
Телеграфисту съ желтымъ кантомъ
Букетики даришь.

И потому ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Притти въ туманъ чужого сада,
Когда я позову.

L.

A L'OMBRE.

День поблекъ, изящный и невинный.
Вечеръ заглянулъ сквозь кружева.
И надъ книгою старинной
Закружилась голова.

Встала въ легкой полутѣни,
Заструилась вдоль перилъ...
Въ голубыхъ сѣтяхъ растеній
Кто то медленный скользилъ.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала объ убійствѣ—
Покачнулась—умерла.
Уронила матовыя кисти
Въ зеркала.

LI.

Я живу въ глубокомъ покоѣ.
Рою днемъ могилы корнямъ.
Но въ туманный вечеръ—нас двое.
Я вдвоемъ съ Другимъ по ночамъ.

Обычайный—у входа въ сѣни,
Гдѣ мерцаютъ мои образа.
Лобъ закрытъ тѣнями растеній.
Чуть тускнѣютъ въ тѣни глаза.

Изъ угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрипъ.
Въ дальнихъ залахъ—говоръ крылатый
Тѣхъ, съ кѣмъ жилъ я, и съ кѣмъ погибъ.

Одинокъ—въ концѣ вереницы—
Я—послѣдній мускулъ земли.
Не откроетъ устъ Темнолицый,
Будто ждетъ, чтобы всѣ прошли,

Раздавивъ похоронные звуки
Равномѣрно-жуткихъ часовъ,
Онъ подниметъ тяжкія руки,
Что висятъ, какъ петли вѣковъ.

Заскрипятъ ли тяжкія латы?
Или гробъ ихъ, какъ страхъ мой, пустъ?
Иль Онъ вдунетъ звукъ хриповатый
Въ этотъ рогъ изъ смердящихъ устъ?

Или я, какъ мѣсяцъ двурогій,
Только жалкій сонъ серебрю,
Что приснился въ долгой дорогѣ
Всѣмъ безсильнымъ встрѣтить зарю?

LII.

Ты одѣнешь меня въ серебро,
И, когда я умру,
Выйдетъ мѣсяцъ—небесный Пьеро,
Встанетъ красный паяцъ на юру.

Мертвый мѣсяцъ безпомощно нѣмъ,
Никому ничего не открылъ.
Только спроситъ подругу—зачѣмъ
Я когда-то ее полюбилъ?

Въ этотъ яростный сонъ наяву
Опрокинусь я мертвымъ лицомъ.
И паяцъ испугаетъ сову,
Загремѣвъ подъ горой бубенцомъ...

Знаю—сморщенный ликъ его старъ
И безстыденъ въ земной наготѣ.
Но зловѣщій восходитъ угаръ—
Къ небесамъ, къ высотѣ, къ чистотѣ.

LIII.

Вотъ на тучахъ пожелтѣлыхъ
Отблескъ матовой свѣчи.
Пробѣжали въ космахъ бѣлыхъ
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, безшумно рѣя,
Птицы траурной фата.
Въ глуби меркнущей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались въ тучахъ пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлѣваетъ безъ огня.

Кто тамъ встанетъ съ мертвымъ глазомъ
И серебрянымъ мечомъ?
Невидимкамъ черномазымъ
Кто тамъ будетъ трубачемъ?

LIV.

Фіолетовый западъ гнететъ,
Какъ пожатье десницы свинцовой.
Мы летимъ неизмѣнно впередъ—
Исполнители воли суровой.

Насъ немного. Всѣ въ дымныхъ плащахъ.
Брыжжутъ искры и блещутъ кольчуги.
Поднимаемъ на сѣверѣ прахъ,
Оставляемъ лазурность на югѣ.

Ставимъ троны инымъ временамъ—
Кто возсядетъ на темные троны?
Каждый душу разбилъ пополамъ
И поставилъ двойные законы.

Никому не извѣстенъ конецъ.
И смятенье смѣняетъ веселье.
Намъ открылось въ гаданьи: мертвецъ
Впереди разсѣкаетъ ущелье.

ПЕРСТЕНЬ—СТРАДАНЬЕ

LV.

АНГЕЛЪ—ХРАНИТЕЛЬ.

Люблю Тебя, Ангелъ Хранитель, во мглѣ.
Во мглѣ, что со мною всегда на землѣ.

За то, что ты свѣтлой невѣстой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала насъ тайна и ночь,
Что ты мнѣ сестра, и невѣста, и дочь.

За то, что намъ долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы—мужъ и жена!

За цѣпи мои и заклятья твои.
За то, что надъ нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищихъ и бѣдныхъ скорблю.

За то, что не можемъ согласно мы жить.
За то, что хочу и не смѣю убить—

Отмстить малодушнымъ, кто жилъ безъ огня,
Кто такъ унижалъ мой народъ и меня!

Кто заперъ свободныхъ и сильныхъ въ тюрьму
Кто долго не вѣрилъ огню моему.

Кто хочетъ за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слабъ и смириться готовъ,
Что предки мои—поколѣнье рабовъ,

И нѣжности ядомъ убита душа,
И эта рука не подниметъ ножа....

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнемъ сожжено и свинцомъ залито—
Того разорвать не посмѣетъ никто!

Съ тобою смотрѣлъ я на эту зарю.
Съ тобой въ эту черную бездну смотрю.

И двойственно намъ приказанье судьбы:
Мы вольныя души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма—впереди?

Кто кличетъ? Кто плачетъ? Куда мы идемъ?
Вдвоемъ—неразрывно—навѣки вдвоемъ!

Воскреснемъ? Погибнемъ? Умремъ?

17 августа
1906 года.

LVI.

ПЕРСТЕНЬ—СТРАДАНЬЕ.

Шелъ я по улицѣ, горемъ убитый.
Юность моя, какъ печальная ночь,
Блѣднымъ лучомъ упадала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькія думы—лохмотья печалей—
Нагло просили на чай, на ночлегъ,
И пропадали средь уличныхъ далей,
За вереницей зловонныхъ телѣгъ.

Господи Боже! Ужъ утро клубится.
Гдѣ, да и какъ эту ночь проживу?..
Узкія окна. За ними дѣвица.
Тонкіе пальцы легли на канву.

Волосы пали на нѣжныя ткани—
Вѣрно, работала ночь напролетъ...
Щеки блѣдны отъ безсонныхъ мечтаній.
Ткани готовы. И голосъ поетъ:

«Что я съумѣла, когда полюбила?
«Бросила мать и ушла отъ отца...
«Вотъ я съ тобою, мой милый, мой милый...
«Перстень—Страданье намъ свяжетъ сердца.

«Что я могу для тебя, мой любимый?
«Я, сирота, предъ тобой не солгу.
«Какъ матушкѣ, все открой мнѣ, родимой:
«Перстень—Страданье тебѣ сотку.

«Вотъ я могу твоей алою кровью
«Нѣжность мою для тебя украшать...
«Вѣрностью женской, вѣчной любовью—
«Перстень—Страданье тебѣ соткать»...

LVII.

Передвечернею порою
Сходилъ я въ сумерки съ горы,
И вотъ передо мной—за мглою—
Черты печальныя сестры.

Она идетъ неслышнымъ шагомъ,
За нею шевелится мгла,
И по долинамъ, по оврагамъ
Вздыхаютъ груди безъ числа.

— Сестра, откуда въ дождь и холодъ
— Идешь съ печальною толпой,
— Кого бичами выгналъ голодъ
— Въ могилы жизни кочевой?

Вотъ подошла, остановилась
И факелъ подняла во мглѣ,
И тихимъ свѣтомъ озарилось
Все, что незримо на землѣ.

И тамъ, въ канавахъ придорожныхъ,
Я, содрогаясь, разглядѣлъ
Черты мученій невозможныхъ
И корчи ослабѣвшихъ тѣлъ.

И вновь опущенъ факелъ душный,
И, улыбаясь мнѣ, прошла—
Такой же дымной и воздушной,
Какъ окружающая мгла.

Но я запомнилъ эти лица
И тишину пустыхъ орбитъ,
И обреченныхъ вереница
Передо мной въ вѣкахъ стоитъ.

LVIII.

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ.

Мы встрѣтились съ тобою въ храмѣ
И жили въ радостномъ саду,
Но вотъ зловонными дворами
Пошли къ проклятью и труду.

Мы миновали всѣ ворота
И въ каждомъ видѣли окнѣ,
Какъ тяжело лежитъ работа
На каждой согнутой спинѣ.

И вотъ вошли туда, гдѣ будемъ
Мы жить подъ низкимъ потолкомъ,
Гдѣ прокляли другъ друга люди,
Убитые своимъ трудомъ.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла межъ спящихъ на полу;
Но самый сонъ ихъ былъ проклятье
Вонъ тамъ—въ заплеванномъ углу.

Ты обернулась, заглянула
Довѣрчиво въ мои глаза...
И на щекѣ моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нѣтъ! Счастье — праздная забота,
Вѣдь молодость давно прошла.
Намъ скоротаетъ вѣкъ работа,
Мнѣ — молотокъ, тебѣ — игла.

Сиди, да шей, смотри въ окошко.
Людей повсюду гонитъ трудъ,
А тѣмъ, кому труднѣй немножко,
Тѣ пѣсни длинныя поютъ.

Я близъ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мнѣ,
Что я увидѣлъ дно стакана,
Топя отчаянье въ винѣ.

LIX.

ВЪ ОКТЯБРѢ.

Открылъ окно. Какая хмурая
Столица въ октябрѣ!
Забитая лошадка бурая
Гуляетъ на дворѣ.

Снѣжинка легкою пушинкою
Порхаетъ по вѣтру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотаетъ на юру.

Жилось легко, жилось и молодо,—
Прошла моя пора.
Вонъ—мальчикъ, посинѣвъ отъ холода,
Дрожитъ среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
И будетъ, какъ всегда:
Лошадкѣ и мальчишкѣ малому
Не сладки холода.

Да и меня безъ всякихъ поводовъ
Загнали на чердакъ.
Никто моихъ не слушалъ доводовъ,
И вышелъ мой табакъ.

А все хочу свободной волею
Свободнаго житья,
Хоть нѣтъ звѣзды счастливой болѣе
Съ тѣхъ поръ, какъ запилъ я.

Давно звѣзда въ стаканъ мой канула,—
Ужели навсегда?
И вотъ душа опять воспрянула:
Со мной моя звѣзда!

Вотъ, вотъ—въ глазахъ плыветъ, манящая,
Качается въ окнѣ...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будутъ мнѣ!

И даже все свое имущество
Съ собою захвачу!
Позналъ, позналъ свое могущество!..
Вотъ вскрикнулъ... и лечу!

Лечу, лечу, къ мальчишкѣ малому
Средь вихря и огня...
Все, все по старому, бывалому,
Да только—безъ меня!

LX.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

Я въ четырехъ стѣнахъ—убитый
Земной заботой и нуждой.
А въ небѣ—золотомъ расшитый
Нарядъ блѣднѣетъ голубой.

Какъ сладко, и свѣтло, и больно,
Мой голубой, далекій братъ!
Душа въ слезахъ,—она довольна
И благодарна за нарядъ.

Она—такой же голубою
Могла бы стать, какъ въ небѣ—ты,
Не удрученный тяготою
Духъ глубины и высоты.

Но и въ стѣнахъ—моя отрада
Лазурію твоей горѣть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мнѣ умереть...

LXI.

ОКНА ВО ДВОРЪ.

Одна мнѣ осталась надежда:
Смотрѣться въ колодезь двора.
Свѣтаетъ. Бѣлѣетъ одежда
Въ разсѣянномъ свѣтѣ утра.

Я слышу—старинныя рѣчи
Проснулись глубоко на днѣ.
Вонъ теплятся желтыя свѣчи,
Забытыя въ чьемъ-то окнѣ.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утреннихъ крышъ.
Заплакать—одно мнѣ осталось
И слушать, какъ мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улицѣ тихо,
И я умираю съ тоски.
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится въ виски.

Эй, малый, взгляни мнѣ въ оконце!..
Да нѣтъ, не заглянешь—пройдешь...
Совсѣмъ я на зимнее солнце,
На глупое солнце похожъ.

LXII.

СТАРЫЯ МЫСЛИ.

Хожу, брожу понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ—весна.

А мнѣ—какое дѣло?
Брожу одинъ, забытъ.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучитъ.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ, въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмуривъ брови,
Ей въ сотый передамъ,
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ.

И снова будетъ сладко,
И тихо, и тепло.
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло...

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводитъ
Веселенькую нить?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ!
Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ.

Лицо мое блѣднѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна...
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она...

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

LXIII.

НА ЧЕРДАКѢ.

Что на свѣтѣ выше
Свѣтлыхъ чердаковъ?
Вижу трубы, крыши
Дальнихъ кабаковъ.

Путь туда заказанъ,
И на что—теперь?
Вотъ—я съ ней лишь связанъ...
Вотъ—закрыта дверь...

А она не слышитъ—
Слышитъ—не глядитъ,
Тихая—не дышетъ,
Бѣлая—молчитъ...

Ужъ не проситъ кушать...
Вѣтеръ свищетъ въ щель.
Какъ мнѣ любо слушать
Вьюжную свирѣль!

Вѣтеръ, снѣжный сѣверъ,
Давній другъ ты мнѣ,
Подари ты вѣеръ
Молодой женѣ!

Подари ей платье
Бѣлое, какъ ты!
Нанеси въ кровать ей
Снѣжные цвѣты!

Ты дарилъ мнѣ горе,
Тучи, да снѣга...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтобъ была нарядна
И, какъ снѣгъ, бѣла!
Чтобъ глядѣлъ я жадно
Изъ того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
Въ снѣжную трубу,
Чтобъ спала подруга
Въ ледяномъ гробу!

Чтобъ она не встала,
Не скрипи доска...
Чтобъ не испугала
Милаго дружка!

LXIV.

ROMANCERO.

Ты проходишь безъ улыбки,
Опустившая рѣсницы,
И во мракѣ, надъ соборомъ
Золотятся купола.

Какъ лицо твое похоже
На вечернихъ Богородицъ,
Опускающихъ рѣсницы,
Пропадающихъ во мглѣ...

Но съ тобой идетъ кудрявый
Кроткій мальчикъ въ бѣлой шапкѣ,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою въ тѣни портала,
Тамъ, гдѣ дуетъ рѣзкій вѣтеръ,
Застилающій слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть:—Богоматерь!
— Для чего въ мой черный городъ
-- Ты Младенца привела?

Но языкъ безсиленъ крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Надъ священными слѣдами
Почиваетъ синій мракъ.

И смотрю я, вспоминая,
Какъ опущены рѣсницы,
Какъ твой мальчикъ въ бѣлой шапкѣ
Улыбнулся на тебя.

LXV.

Умолкаетъ свѣтлый вѣтеръ,
Наступаетъ сѣрый вечеръ,
Воронъ канулъ на сосну,
Тронулъ сонную струну.

Въ сторонѣ чужой и темной
Какъ ты вспомнишь обо мнѣ?
О моей любови скромной
Закручинишься ль во снѣ?

Пусть душа твоя мгновенна,—
Надъ тобою неизмѣнна
Гордость юная твоя,
Вѣрность женская моя.

Не гони летящій мимо
Призракъ легкій и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастливъ съ дѣвушкой другой...

Ну, такъ съ Богомъ! Вечеръ близокъ,
Быстрый летъ касатокъ низокъ,
Надвигается гроза.
Ночь глядитъ въ твои глаза.

LXVI.

ПОВѢСТЬ.

Г. И. ЧУЛКОВУ.

Въ окнахъ, занавѣшанныхъ сѣтью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился внизъ.
Сѣрые прохожіе усердно проносили
Грузъ вечернихъ сплетенъ, усталыхъ стертыхъ лицъ.

Прямо передъ окнами—свѣтлый и упорный—
Каждому прохожему бросалъ лучи фонарь.
И въ дождливой сѣти—не бѣлой, не черной—
Каждый скрывался—не молодъ и не старъ.

Были, какъ видѣнья неживой столицы,—
Случайно, нечаянно вступающіе въ лучъ.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкія, покорныя унынью низкихъ тучъ.

Но—нежданно рѣзко—раздались проклятья,
Будто разсѣкая полосу дождя:
Съ головой открытой—кто то въ красномъ платьѣ
Поднималъ на воздухъ малое дитя...

Свѣтлый и упорный, лучъ упалъ безсмѣнный, –
И мгновенно женщина, ночныхъ веселій дочь,
Бѣшенно ударилась головой о стѣну,
Съ крикомъ изступленья, уронивъ ребенка въ ночь....

И столпились сѣрыя видѣнья мокрой скуки,
Кто то громко ахалъ, качая головой.
И она лежала на спинѣ, раскинувъ руки,
Въ грязно-красномъ платьѣ, на кровавой мостовой.

Но изъ глазъ открытыхъ—взоръ упорно-дерзкій
Все искалъ кого то въ верхнихъ этажахъ...
И нашелъ—и встрѣтился въ окнѣ у занавѣски
Со взоромъ темной женщины въ узорныхъ кружевахъ.

Встрѣтились и замерли въ беззвучномъ волнѣ взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала.
Но черезъ мгновенье на верху упали шторы,
А внизу—въ глазахъ открытыхъ—сила умерла...

Умерла—и вновь въ дождливой сѣти тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто то поднялъ на руки кричащаго ребенка
И, крестясь, украдкой утиралъ глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла оконъ.
Плотно-бѣлый занавѣсъ пустѣлъ въ сѣтяхъ дождя.
Кто то гладилъ бережно ребенку мокрый локонъ.
Уходилъ тихонько. И плакалъ, уходя.

LXVII.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Раннимъ утромъ, когда люди не хотѣли шевелиться,
Сѣрый сонъ предчувствуя послѣднихъ дней зимы,
Пробудились въ комнатѣ мужчина и блудница,
Медленно очнулись въ угарѣ мглы и тьмы.

Утро копошилось. Безнадежно догорѣли свѣчи.
Оплывшій огарокъ мелькалъ въ оплывшихъ глазахъ.
Сквозь холодное стекло дрожали женскія плечи.
Мужчина передъ зеркаломъ расчесывалъ проборъ въ
волосахъ.

Она была въ рубашкѣ. Утро не обмануло.
И была она сегодня, какъ смерть, блѣдна.
Еще вечеромъ у фонаря ея лицо блеснуло,
Въ этой самой комнатѣ была влюблена.

А сегодня безобразно повисли складки рубашки..
И на линіяхъ тѣла былъ сѣрый налетъ.
Углами торчала мебель. Валялись окурки, бумажки.
Всѣхъ ужаснѣй въ комнатѣ былъ красный комодъ.

И внезапно—быстрѣе вьюги, ярче пожара,
Будто лучъ высокій разбилъ упорный ледъ,—
Выпрямилась женщина, свободна отъ угара,
И въ окнѣ подъ обнаженной рукой зазіялъ пролетъ.

Влетѣли звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась подъ вѣтромъ, осыпая послѣдній снѣгъ.
Въ церкви ударилъ колоколъ. Распахнулись форточки,
И внизу сталъ слышенъ торопливый бѣгъ.

Люди суетливо выбѣгали за ворота.
(Улицу скрывалъ дощатый заборъ).
Мальчишки, женщины, дворники замѣтили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узоръ.

Бился колоколъ. Гудѣли крики, лай и ржанье.
Тамъ, на грязной улицѣ, гдѣ люди собрались,
Женщина-блудница—отъ ложа пьянаго желанья
На колѣняхъ, въ рубашкѣ, поднимала руки ввысь.

Высоко—надъ домами—въ туманѣ снѣжной бури,
На мѣстѣ полуденныхъ тучъ и полунощныхъ звѣздъ
Розовымъ зигзагомъ въ разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкій крестъ.

Январь.
1904.

LXVIII.

БРЕДЪ.

Я знаю, ты близкая мнѣ.
Больному такъ нуженъ покой...
Прильнувши къ сѣдой税 старинѣ,
Торжественно брежу во снѣ...

Съ тобою, мой свѣтъ, говорю...
Пьяни, весели меня, боль!—
Ты мнѣ обѣщаешь зарю?
Нѣтъ, съ этой свѣчей догорю!

Такъ слушай, какъ память остра—
Недаромъ я въ смертномъ бреду...
Вчера еще были, вчера
Завѣтные лѣсъ и гора...

Я Бѣлую Дѣву искалъ—
Ты слышишь? Ты вѣришь? Ты спишь?
Я Древнюю Дѣву искалъ,
И рогъ мой раскатомъ звучалъ.

Я взоромъ измѣрилъ холмы...
Какая щемящая боль!..
Я зналъ, на исходѣ зимы,
Навѣрное, встрѣтимся мы.

Вотъ иней мнѣ кудри покрылъ,
Дыханье спирала зима...
И вѣтеръ мнѣ очи слѣпилъ,
И рогъ мой невѣрно трубилъ...

Но слушай, какъ слушалъ тогда
Я голосъ пронзительныхъ вьюгъ!
Что было со мной въ тѣ года,—
Тому не бывать никогда!..

Тогда испугалась зима,
Какъ я этой боли боюсь...
Открылась вершина холма,
Зажглась заревая кайма...

И твердой стопой я всхожу—
О, слушай предсмертный завѣтъ!..
Въ послѣднiй тебѣ разскажу:
Я Бѣлую Дѣву бужу!

Вотъ спитъ Она въ облакѣ мглы
На темной вершинѣ скалы,
И звонко взываютъ орлы,
Свои расточая хвалы...

Какъ страненъ мой траурный бредъ!
То бредъ обнищалой души...
Ты, свѣтъ мой,—единственный свѣтъ...
Другой—въ этомъ траурѣ нѣтъ.

Уютны мнѣ черные сны.
Въ нихъ память свѣжѣетъ моя:
Въ видѣньяхъ сѣдой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были,—но мы отошли,
И помню я звукъ похоронъ:
Какъ гробъ мой тяжелый несли..
Какъ сыпались комья земли.

1905

LXIX.

СКАЗКА О ПѢТУХѢ И СТАРУШКѢ

Пѣтуха упустила старушка,
Золотого, какъ день, пѣтуха!
Не сама отворилась клѣтушка,
Долго ль въ зимнюю ночь до грѣха!

И на бѣломъ узорномъ крылечкѣ
Промелькнулъ золотой гребешокъ...
А старуха спускается съ печки,
Все не можетъ найти посошокъ...

Вотъ—ударило свѣтомъ въ оконце,
Загорѣлся старушечій глазъ...
На дворѣ—словно яркое солнце,
Деревенька стоитъ напоказъ.

Эхъ, какая бѣда приключилась,
Впопыхахъ не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, гдѣ завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вонъ стоитъ онъ въ углу, озаренный,
Изъ подъ шапки таращитъ глаза...
А на улицѣ—снѣжной и сонной—
Суматоха, возня, голоса...

Прибѣжали къ старухину дому,
Захватили ведро, кто не глупъ...
А ужъ въ кучкѣ золы—незнакомый
Робко съежился маленькій трупъ...

Долго, бабушка, вѣрно, искала,
Не сыскала ты свой посошокъ...
Пѣтушка своего потеряла,
Анъ, нашелъ тебя самъ пѣтушокъ!

Зимній вѣтеръ гуляетъ и свищетъ,
Все играетъ съ торчащей трубой...
Мертвый глазъ будто все еще ищетъ,
Гдѣ пропалъ пѣтушокъ... золотой.

А надъ кучкой золы разметенной,
Гдѣ гулялъ и клевалъ пѣтушокъ,
То погаснетъ, то вспыхнетъ червонный
Золотой, удалой гребешокъ.

LXX.

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкій крикъ рабочихъ
Слышенъ издали.
Пѣсни и тревога
На пустой рѣкѣ.
Входитъ кто-то сильный
Въ сѣромъ армякѣ.
Руль дощатый сдвинулъ,
Парусъ распустилъ
И багоръ закинулъ,
Грудью надавилъ—

Тихо повернулась
Красная корма,
Побѣжали мимо
Пестрые дома.
Вонъ они далеко,
Весело плывутъ.
Только насъ съ собою,
Вѣрно, не возьмутъ!

LXXI.

СЫТЫЕ.

Они давно меня томили:
Въ разгаръ дѣвственной мечты
Они скучали и не жили,
И мяли бѣлые цвѣты.

И вотъ — въ столовыхъ и гостиныхъ,
Надъ грудой рюмокъ, дамъ, старухъ,
Надъ скукой ихъ обѣдовъ чинныхъ
Свѣтъ электрическій потухъ.

Къ чему то вносятъ, ставятъ свѣчи,
На лицахъ желтые круги,
Шипятъ пергаментныя рѣчи,
Съ трудомъ шевелятся мозги.

Такъ — негодуетъ все, что сыто,
Тоскуетъ сытость важныхъ чревъ:
Вѣдь опрокинуто корыто,
Встревоженъ ихъ прогнившій хлѣвъ!

Теперь имъ выпалъ скудный жребій:
Ихъ домъ стоитъ неосвѣщенъ,
И жгутъ имъ слухъ—мольбы о хлѣбѣ
И красный смѣхъ чужихъ знаменъ!

Пусть доживутъ свой вѣкъ привычно—
Намъ жаль ихъ сытость разрушать.
Лишь чистымъ дѣтямъ—неприлично
Ихъ старой скукѣ подражать.

LXXII.

Шли на приступъ. Прямо въ грудь
Штыкъ наточенный направленъ.
Кто то крикнулъ:—«Будь прославленъ!»
Кто то шепчетъ:—«Не забудь!»

Рядомъ палъ, всплеснувъ руками,—
И надъ нимъ сомкнулась рать.
Кто то бьется подъ ногами,
Кто—не время вспоминать.

Только въ памяти веселой
Гдѣ то вспыхнула свѣча.
И прошли, стопой тяжелой
Тѣло теплое топча...

Вѣдь никто не встрѣтитъ старость—
Смерть летитъ изъ устъ въ уста...
Высоко пылаетъ ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будетъ скрежетъ,
Слаще боль и ярче смерть!
И потомъ—земля разнѣжитъ
Перепуганную твердь.

LXXIII.

Прискакала дикой степью
На вспѣненномъ скакунѣ.
— Долго ль будешь лязгать цѣпью?
— Выходи плясать ко мнѣ?

Рукавомъ въ окно мнѣ машетъ,
Краснымъ крикомъ зажжена,
Такъ и манитъ, такъ и пляшетъ
И ласкаетъ скакуна.

— А, не хочешь! Ну, такъ съ Богомъ!
Пыль клубами завилась...
По тропамъ и по дорогамъ
Въ чистомъ полѣ понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свистъ костра!

И въ степяхъ, среди тумана,
Ты страшна своей красой—
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой!

LXXIV.

Еще прекрасно сѣрое небо,
Еще безнадежна сѣрая даль.
Еще несчастныхъ, просящихъ хлѣба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И надъ заливами голосъ черни
Пропалъ, развѣялся въ невскомъ снѣ.
И дикіе вопли: Свергни! О, свергни!
Не будятъ жалости въ сонной волнѣ..

И въ небѣ сѣромъ холодные свѣты
Одѣли Зимній Дворецъ царя.
И латникъ въ черномъ не дастъ отвѣта,
Пока не застигнетъ его заря.

Тогда, алѣя надъ водной бездной,
Пусть онъ угрюмѣй опуститъ мечъ,
Чтобъ съ дикой чернью въ борьбѣ безполезной
За древнюю сказку мертвымъ лечь.

17 октября
1905.

LXXV.

Вися надъ городомъ всемірнымъ,
Въ пыли прошедшей заточенъ.
Еще Монарха въ утрѣ лирномъ
Самодержавный клонитъ сонъ.

И предокъ царственно-чугунный
Все такъ же бредитъ на змѣѣ,
И голосъ черни многострунный
Еще не властенъ на Невѣ.

Уже на домахъ вѣютъ флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слѣпы темные дворцы.

И, если ликъ свободы явленъ,
То прежде явленъ ликъ змѣи,
И ни одинъ суставъ не сдавленъ
Сверкнувшихъ колецъ чешуи.

17 октября
1905.

LXXVI.

ПРИШЛЕЦЫ.

Поднимались изъ тьмы погребовъ.
Уходили ихъ головы въ плечи.
Тихо выросли шумы шаговъ,
Голоса незнакомыхъ нарѣчій.

Скоро прибыли толпы другихъ,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камнямъ мостовыхъ,
Изъ земли воздвигали палаты.

Встала улица, сѣрымъ полна,
Заткалась паутинною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя протокъ экипажей.

Скоро день глубоко отступилъ,
Въ небѣ дальнемъ разставившій зори.
И незримый потокъ шелестилъ,
Проливаясь въ нашъ городъ, какъ въ море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть замѣнятъ насъ новые люди!
Въ тѣхъ же мукахъ рождала ихъ мать,
Такъ же нѣжно кормила у груди...

Въ пеленѣ отходящаго дня
Намъ была эта участь понятна.
Намъ послѣдній закатъ—изъ огня
Сочеталъ и соткалъ свои пятна.

Не стерегъ изступленный драконъ,
Не пылала надъ нами геенна.
Затопили насъ волны временъ.
И была наша участь—мгновенна.

LXXVII.

МИТИНГЪ.

Онъ говорилъ умно и рѣзко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и безъ блеска
Слѣпые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
Отъ многихъ тысячъ глазъ,
И онъ не чувствовалъ, что скоро
Пробьетъ послѣдній часъ.

Его движенья были вѣрны,
И голосъ былъ суровъ,
И борода качалась мѣрно
Въ тактъ запыленныхъ словъ.

И сѣрый, какъ ночные своды,
Онъ зналъ всему предѣлъ.
Цѣпями тягостной свободы
Увѣренно гремѣлъ.

Но тѣ, внизу, не понимали,
Ни чиселъ, ни именъ,
И знакомъ долга и печали,
Никто не заклейменъ.

И тихій ропотъ поднялъ руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шумъ, подобный звуку
Упавшей головни.

Какъ будто свѣтъ изъ мрака брызнулъ,
Какъ будто былъ намекъ...
Толпа проснулась. Дико взвизгнулъ
Пронзительный свистокъ.

И въ звоны стеколъ перебитыхъ
Ворвался стонъ глухой,
И человѣкъ упалъ на плиты
Съ разбитой головой.

Не знаю, кто ударомъ камня
Убилъ его въ толпѣ.
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбѣ.

Еще свистки ломали воздухъ,
И крикъ еще стоялъ,
А онъ ужъ легъ на вѣчный отдыхъ
У входа въ шумный залъ...

Но огонекъ блеснулъ у входа...
Другіе огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло въ бѣгломъ свѣтѣ,
Какъ человѣкъ лежалъ,
И какъ солдатъ ружье надъ мертвымъ
На перевѣсъ держалъ.

Черты лица блѣднѣй казались
Отъ черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились въ ряды.

И въ тишинѣ, внезапно вставшей,
Былъ свѣтелъ кругъ лица,
Былъ тихій Ангелъ пролетавшій,
И радость безъ конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Надъ ними вытянулись стройно
Блестящіе штыки.

Какъ будто, спрятанный у входа
За черной пастью дулъ,
Ночнымъ дыханіемъ свободы
Увѣренно вздохнулъ.

LXXVIII.

ЕЯ ПРИБЫТІЕ.

(Неоконченная поэма).

1. Рабочіе на рейдѣ.

Окаймленъ летучей пѣной,
Днемъ и ночью дышитъ молъ.
Очарованный сиреной,
Трудъ нашъ медленный тяжелъ.
Океанъ гудитъ подъ нами,
Въ портѣ блещутъ огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищутъ маяки,
И шатаютъ мраки въ морѣ
Эти тонкіе лучи,
Какъ испуганныя зори,
Проскользнувшія въ ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Всѣ мы близки, всѣ мы братья—
Тамъ, на рейдѣ, въ часъ мечты!
Далеко за полночь—въ дали
Неизвѣданнои земли—
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черныхъ трубъ и тонкихъ рей,
Были темныя названья,
Намъ невѣдомыхъ звѣрей.
«Птица Пѣнъ» ходила къ югу,
Возвратясь, давала знакъ:
Черезъ бурю, черезъ вьюгу
Различали красный флагъ...

Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
Въ наши темные кули?
Не чудесная ли птица
Въ клѣткѣ плечи намъ свела?
Или черная царица
Въ ней пугливо замерла?..
Но, какъ въ сказкѣ, люди въ морѣ:
Тяжкой ношей каждый гордъ.
И, туманнымъ пѣснямъ вторя,
Грохоталъ угрюмый портъ.

2. Такъ было.

Жизнь была стремленьемъ..
Смерть была причиной
Несвершенныхъ въ мірѣ
Безконечныхъ благъ.

Небо закрывалось
Надъ морской равниной
Въ часъ, когда являлся
Первый свѣтлый флагъ.

Ночи укрывали
Отъ очей безсонныхъ
Все, что совершалось
За чертой морей.

Только на закатѣ
Въ зоряхъ наклоненныхъ
Мчались отраженья,
Тѣни кораблей.

Но не всѣ читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,—
И,—лицомъ къ лунѣ,—

Блѣдная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущемъ
Безнадежномъ днѣ.

3. Пѣсня матросовъ.

Подарило намъ море
Обручальное кольцо!
Цѣловало насъ море
Въ загорѣлое лицо!
Принсвѣстилась
Морская глубина,
Неневѣстная
Морская быстрина!
Съ ней жизнь вольна,
Съ ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
Съ ней погуляемъ
На вольномъ просторѣ!
Синее море!
Красныя зори!
Вѣтеръ ты, пьяный,
Трепли волоса!
Вѣтеръ соленый,
Неси голоса!
Вѣтеръ ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. Голосъ въ тучахъ.

Насъ море примчало къ землѣ одичалой
Въ убогіе кровы, къ недолгому сну,
А вѣтеръ крѣпчалъ, и надъ моремъ звучало,
И было тревожно смотрѣть въ глубину.

Больнымъ и усталымъ—намъ было завидно,
Что гдѣ-то въ моряхъ веселилась гроза,
А ночь, какъ блудница, смотрѣла безстыдно
На темныя лица, въ больные глаза.

Мы съ вѣтромъ боролись, и, брови нахмуря,
Во мракѣ съ трудомъ различали тропу...
И вотъ, какъ посолъ нарастающей бури,
Пророческій голосъ ударилъ въ толпу.

Мгновеннымъ зигзагомъ на каменной кручѣ
Торжественный профиль намъ брызнулъ въ глаза.
И въ ясномъ разрывѣ испуганной тучи
Веселую пѣсню запѣла гроза:

Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, гдѣ моря запѣваютъ о чудѣ,
Туда направляется свѣтъ маяка!

Онъ рыщетъ, онъ ищетъ веселыхъ открытій
И зоркимъ лучомъ стережетъ буруны,
И съ часу на часъ ожидаетъ прибытій
Большихъ кораблей изъ далекой страны.

Смотрите, какъ ширятся полосы свѣта,
Какъ радостенъ бѣгъ закипающихъ пѣнъ.
Какъ море ликуетъ! Вы слышите—гдѣ-то—
За ночью, за бурей—взыванье сиренъ!

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осѣнила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..

А тамъ—горизонтъ разбудили зарницы,
Какъ будто, пылали вдали города,
И къ порту всю ночь, какъ багряныя птицы,
Летѣли, шипя и свистя, поѣзда.

Гудѣлъ океанъ, и лохмотьями пѣны
Швырялись моря на стволы маяковъ.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Тамъ буря настигла суда рыбаковъ.

5. Корабли идутъ.

О, свѣтоносные стебли морей, маяки!
      Вашъ прожекторъ—цвѣтокъ!
Ваша почва—созданье волненья,
      Песчаныя косы!

Ваши стебли, о, цвѣтъ океана, крѣпки,
И силенъ электрическій токъ!
      И лучи обѣщаютъ спасенье
Тамъ, гдѣ гибнутъ матросы!

Утро скажетъ: взгляни: утомленный работой,
      Ты найдешь въ бурунахъ
      Обезсиленный трупъ,
Не спасенный твоею заботой,

Съ остывающимъ смѣхомъ на синихъ углахъ
Искрившихся губъ...
Избѣжавшій твоихъ свѣтоносныхъ лучей,
Преступившій послѣдній порогъ...

Невидимъ для очей,
Черезъ пологъ ночей
На челѣ начерталъ примиряющій Рокъ:
«Ничей».

Ты намъ мстишь, электрическій свѣтъ!
Ты—не свѣтъ отъ зари,—ты мечта отъ земли,
Но въ туманные дни ты пронзаешь лучомъ
Безначальный обманъ океана...

И надежнѣй тебя намъ товарища нѣтъ:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведемъ корабли,
Мы заморскія тайны несемъ,
Мы подъ шумъ ночного тумана...

Трюмы полны сокровищъ!
Отягченныя мчатся суда!..
Пусть хранитъ отъ подводныхъ чудовищъ
Электричество—наша звѣзда!

Черезъ бурю, сквозь вьюгу—впередъ!
Электрическій свѣтъ не умретъ!

6. Корабли пришли.

Океанъ дремалъ зеркальный,
Злыя бури отошли.
Въ часъ закатный, въ часъ хрустальный
Показались корабли.

Шли, какъ сказочныя феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготовѣ якоря.

Пѣли гимнъ багрянымъ зорямъ,
Вся горя, смѣялась даль.
Съ голубымъ прощальнымъ моремъ
Разлучаться было жаль.

А ужъ тамъ за той косою—
Неожиданно свѣтла,
Съ затуманенной красою
Ихъ красавица ждала...

То—земля, о, дѣти страсти,
Дѣти бурь,—она за васъ!—
Тяжело упали снасти.
Вѣсть ракетой понеслась.

7. Разсвѣтъ.

Тихо разсыпалась въ небѣ ракета,
Западъ погасъ, и вздохнула земля.
Стали на рейдѣ и ждали разсвѣта,
Ночь возвращенья мечтѣ удѣля.

Сумерки близятся. Въ утренней дремѣ
Что-то безмѣрно-печальное есть.
Тамъ—въ океанѣ—въ земномъ водоемѣ —
Бродитъ и плещетъ пугливая вѣсть...

Бѣлый, какъ бѣлая птица, далеко
Мѣритъ и выси и глуби—и вдругъ
Съ первой стрѣлой, прилетѣвшей съ востока,
Сонный въ моряхъ пробуждается звукъ.

Смерть, или жизнь тяготѣетъ надъ моремъ—
Вѣсть о побѣдѣ—въ полетѣ стрѣлы.
Смертные мы и о солнцѣ не споримъ,
Знаемъ, что время готовитъ хвалы.

Кто не проснулся при первомъ сіяньи—
Сумрачно помнитъ, что гимнъ отзвучалъ,
Чуетъ сквозь сонъ, что утратилъ познанье
Раннихъ и свѣтлыхъ и мудрыхъ началъ...

Но съ кораблей, испытавшихъ ненастье,
Вѣсть о разсвѣтѣ достигла земли;
Буйныя толпы, въ предчувствіи счастья,
Вышли на берегъ встрѣчать корабли.

Кто-то гирлянду цвѣточную бросилъ,
Лодки помчались отъ пестрой земли.
Сильные юноши сѣли у веселъ,
Скромныя дѣвушки взяли рули.

Плыли и пѣли, и море пьянѣло.
Правящій Фебъ, разсѣкая туманъ,
Далѣ все мчалъ пурпуровыя стрѣлы,
Но не иссякъ заповѣдный колчанъ.

Мигъ—и, сверкая безмѣрною славой,
Жертвенной кровью вскипѣли моря,
И, возлетая на гребень кровавый,
Мы увидали надъ моремъ—Царя...

И, величавымъ безмолвіемъ полны,
Встрѣтили мы на просторахъ морей
Строгой красой увѣнчавшіе волны
Стройные станы большихъ кораблей.

. . . .

ПОКОРНОСТЬ

LXXIX.

Она веселой невѣстой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И тихая мать погребла ее тутъ.
И церковь упала въ зацвѣтшій прудъ.

Надъ зыбью самыхъ глубокихъ мѣстъ
Плыветъ одинъ неподвижный крестъ.

Миновали десятки и сотни лѣтъ,
А въ старомъ домѣ юности нѣтъ.

И тамъ, гдѣ юность устала ждать,
Въ зеркалахъ осталась старая мать.

Старуха вдѣваетъ нити въ иглу.
Тѣни нитей дрожатъ на свѣтломъ полу.

Тихо, какъ будетъ. Свѣтло, какъ было.
И счетъ годинъ старуха забыла.

Какъ міръ, стара, какъ лунь, сѣда.
Никогда не умретъ, никогда, никогда...

А вдоль комодовъ, вдоль старыхъ креселъ
Мушиный танецъ все также веселъ,

И красныя нити лежатъ на полу,
И мышь щекочетъ обои въ углу.

Въ зеркальной глуби—еще покой
Съ такой же старухой, какъ лунь сѣдой,

И тѣ же нити, и тѣ же мыши,
И тотъ же образъ смотритъ изъ ниши—

Въ окладѣ темномъ—темнѣй пруда,
Со взоромъ скромнымъ—всегда, всегда...

Давно потухшій вглядъ безучастный,
Клубокъ изъ нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоевъ рядъ,
И въ окна смотритъ все тотъ же садъ

Зеленый, какъ міръ; высокій, какъ ночь;
Нѣжный, какъ отошедшая дочь.

— Вернись, вернись. Нить не хочетъ тлѣть.
— Дай мнѣ спокойно умереть.

LXXX.

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
И въ окнѣ твоемъ—туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучитъ, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна.
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синюю окна.

И потомъ, едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла.
И, какъ время, безразсвѣтная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо въ дальней спаленкѣ—
Синій сумракъ и покой,
Оттого, что карликъ маленькій
Держитъ маятникъ рукой.

LXXXI.

МОЕЙ МАТЕРИ.

Помнишь думы? Онѣ улетѣли.
Отцвѣли завитки гіацинта.
Мы провидѣли свѣтлыя цѣли
Въ отдаленныхъ краяхъ лабиринта.

Намъ казалось: мы кратко блуждали.
Нѣтъ, мы прожили долгія жизни...
Возвратились—и насъ не узнали,
И не встрѣтили въ милой отчизнѣ.

И никто не спросилъ о Планетѣ,
Гдѣ мы близились къ юности вѣчной..
Пусть погибнутъ безумныя дѣти
За стезей ослѣпительно млечной!

Но въ безцѣльномъ, быть можетъ, круженьи—
Были мы, какъ избранники, нищи.
И теперь возвратились въ сомнѣньи
Въ дорогое, родное жилище...

Такъ. Не жди измѣненій безцѣльныхъ.
Не смущайся забвеньемъ. Не числи.
Пусть къ тебѣ—о краяхъ запредѣльныхъ
Не придутъ и спокойныя мысли.

Но, прекрасному прошлому радо,—
Пусть о будущемъ сердце не плачетъ.
Тихо вѣдаю: будетъ награда:
Ослѣпительный Всадникъ прискачетъ.

LXXXII.

МОЕЙ МАТЕРИ.

Тихо. И будетъ все тише.
Флагъ безполезный опущенъ.
Только флюгарка на крышѣ
Сладко поетъ о грядущемъ.

Вѣтромъ въ полнебѣ раскинутъ,
Дымомъ и солнцемъ взволнованъ,
Бѣдный пѣтухъ очарованъ,
Въ синюю глубь опрокинутъ.

Въ кругѣ окна слухового
Ликъ мой, какъ нимбомъ, украшенъ.
Профиль лица воскового
Правиленъ, простъ и нестрашенъ.

Смолы пахучія жарки,
Дали извѣчно туманны...
Сладки мнѣ пѣсни флюгарки:
Пой, пѣтушокъ оловянный!

LXXXIII.

Старость мертвая бродитъ вокругъ,
Въ зеленяхъ утонула дорожка.
Я пилю наверху полукругъ –
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали,—и капли смолы
Проступаютъ въ сосновыя жилки.
Прорываются визги пилы,
И летятъ золотые опилки.

Вотъ послѣдній свистящій расколъ,—
И дощечка летитъ въ неизвѣстность...
Въ остромъ запахѣ тающихъ смолъ
Подо мной распахнулась окрестность.

Все закатное небо—въ дремѣ,
Удлинняются дольнія тѣни,
И на розовой гаснетъ кормѣ
Уплывающій кормщикъ весенній...

Вотъ мы съ нимъ уплываемъ во тьму,
И корабль исчезаетъ летучій...
Вотъ и кормщикъ—звѣздою падучей...
До свиданья!.. Летитъ за корму!

С. Шахматовъ.

LXXXIV.

Мы подошли—и воды синія,
Какъ двѣ расплеснутыхъ стѣны.
И вотъ—вдали бѣлѣетъ скинія,
И дали мутныя видны.

Но ужъ надъ горными провалами
На дымно блещущій утесъ
Ты не взбѣжишь, звеня кимвалами,
Въ вѣнкѣ изъ дикихъ красныхъ розъ.

Такъ—и чудеснымъ очарованы—
Не избѣжимъ своей судьбы.
И, въ цѣпи новыя закованы,
Бредемъ, печальные рабы.

LXXXV.

Зажигались окна узкихъ комнатъ,
Возникали скудные лучи,
Тамъ, гдѣ люди сиротливо берегутъ и помнятъ
Царствія Небеснаго ключи.

Въ этотъ часъ и Ты прошла къ вечернѣ,
Свой задумчивый и строгій сонъ храня.
На закатѣ поднимался занавѣсъ вечерній,
Открывалось дѣйствіе огня.

Такъ, какъ я, тонуть въ небесномъ, равнодушномъ взглядѣ
Не умѣлъ никто, Свободная, повѣрь!
Кто-то ласковый разсыпалъ золотыя пряди,
Лучъ проникъ въ невидимую дверь.

И, вступивъ на звонкій рядъ ступеней,
Я стоялъ преображенный на горѣ—
Тамъ, гдѣ стая тускло озаренныхъ привидѣній
Простирала руки къ догорающей зарѣ.

LXXXVI.

Гробъ невѣсты легкой тканью
Скрытъ отъ глазъ въ соборной мглѣ.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняетъ на землѣ.

Кто у гроба въ часъ закатный?
Мать и солнечная сѣнь.
Третій съ ними—благодатный
Несмежающійся день.

Надъ ея безсмертной дремой
Нить Свершеній потекла...
Это—Третій—Незнакомый
Кротко смотритъ въ купола.

LXXXVII.

Оставь меня въ моей дали.
Я неизмѣненъ. Я невиненъ.
Но темный берегъ такъ пустыненъ,
А въ морѣ ходятъ корабли.

Порою близокъ парусъ встрѣчный,
И зажигается мечта;
И вотъ надъ ширью безконечной
Душа чудеснымъ занята.

Но даль пустынна и спокойна—
И я все тотъ же—у руля,
И я пою, все такъ же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парусъ воли бурной
Чужой, а не твоей судьбѣ:
Еще не разъ во мглѣ лазурной
Я буду плакать о тебѣ.

LXXXVIII.

Всѣ отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Надъ одинокимъ вѣютъ весны
И торжествуютъ небеса.

Я не забылъ на пирѣ хмѣльномъ
Мою завѣтную свирѣль.
Пошлю мечту о запредѣльномъ
Въ Его Святую колыбель...

Надъ ней синѣетъ вѣчный пологъ,
И слишкомъ тонки кружева...
Мечты пронзительный осколокъ
Свободно приметъ синева...

Не о спасеньи, не о Словѣ...
И мнѣ ли—падшему въ пыли?
Но дымъ всходящихъ славословій
Вернется въъ садъ моей земли.

У полотна фин. ж. д.

LXXXIX.

ѲЕДОРУ СМОРОДСКОМУ.

Нѣжный! У ласковой рѣчки
Ты—голубой пастушокъ.
Бѣлыя бродятъ овечки,
Круто загнутъ посошокъ.

Ласковы желтыя мели,
Гдѣ голубѣетъ вода.
Голосу тихой свирѣли
Грустно покорны стада.

Грусть несказанныхъ намековъ
Въ долгомъ журчаньи волны.
О, береги у истоковъ
Эти мгновенные сны.

Люди придутъ и растратятъ
Золоторунную тишь.
Тяжкіе камни прикатятъ,
Нѣжный растопчатъ камыш...

Но высоко—въ изумрудахъ
Облаки—овцы бредутъ.
Въ тихихъ и темныхъ запрудахъ
Ихъ отраженья плывутъ.

Пусть и надъ городомъ встанетъ
Стадо вечернее. Пусть
Людямъ предстанетъ въ туманѣ
Золоторунная грусть.

XC.

Въ часъ глухой разлуки съ моремъ,
Съ тихо ропщущимъ прибоемъ,
Съ отуманенною далью—

Мы одни, съ великимъ горемъ,
Сѣдины свои закроемъ
Бѣлымъ саваномъ печалью.

Протекутъ еще мгновенья,
Канутъ въ темные вѣка.

Будутъ новыя видѣнья,
Будетъ старая тоска.

И въ печальный саванъ кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидимъ мы тогда,—

Какъ горитъ твой млечный поясъ!
Какъ летитъ къ родному морю
Серебристая звѣзда!

XCI.

ВЗМОРЬЕ.

Сонный вздохъ онѣмѣлой волны
Дышетъ съ моря, гдѣ сѣрый маякъ
Указалъ морякамъ быстрины,
Растрепалъ у поднебесья флагъ.

Тамъ зажегся послѣдній фонарь,
Озаряя таинственный молъ.
Тамъ корабль возвышался, какъ царь,
И вчера въ океанъ отошелъ.

Чуть сѣрѣли его паруса,
Унося торжество въ океанъ.
Я покорно смотрѣлъ въ небеса,
Гдѣ Она расточала туманъ.

Я увидѣлъ Глядящую въ твердь—
Съ неземнымъ очертаніемъ рукъ.
Издали мнѣ привидѣлась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звукъ.

Тамъ поютъ среди сѣрыхъ камней,
Въ отголоскахъ причудливыхъ пѣнъ—
Переплески далекихъ морей,
Голоса корабельныхъ сиренъ.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

XCII.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или—каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званый,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю...
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю...

Много насъ—свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя...
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

Рогачевское шоссе.

XCIII.

Не мани меня ты, воля,
Не зови въ поля!
Пировать намъ вмѣстѣ что ли,
Матушка-земля?
Кудри вѣтромъ растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Бѣлая рука...
Я крестомъ касался персти,
Цѣловалъ твой прахъ.
Намъ не жить съ тобою вмѣстѣ
Въ радостныхъ поляхъ!
Лишь на мигъ въ воздушномъ мірѣ
Оглянусь, взгляну,
Какъ земля въ зеленомъ пирѣ
Празднуетъ весну,—
И пойду путемъ-дорогой,
Тягостнымъ путемъ—
Жить съ моей душой убогой
Нищимъ бѣднякомъ...

XCIV.

РУСЬ.

Ты и во снѣ необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю,—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ—ты почiешь, Русь.

Русь, опоясана рѣками
И дебрями окружена,
Съ болотами и журавлями,
И съ мутнымъ взоромъ колдуна,

Гдѣ разноликiе народы
Изъ края въ край, изъ дола въ долъ
Ведутъ ночные хороводы
Подъ заревомъ горящихъ селъ.

Гдѣ вѣдуны съ ворожеями
Чаруютъ злаки на поляхъ,
И вѣдьмы тѣшатся съ чертями
Въ дорожныхъ снѣговыхъ столбахъ,

Гдѣ буйно заметаетъ вьюга
Да крыши—утлое жилье,
И дѣвушка на злого друга
Подъ снѣгомъ точитъ лезвее.

Гдѣ всѣ пути и всѣ распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящiй въ голыхъ прутьяхъ,
Поетъ преданья старины...

Такъ—я узналъ въ моей дремотѣ
Страны родимой нищету
И въ лоскутахъ ея лохмотій
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протопталъ,
И тамъ, на кладбищѣ ночуя,
Подолгу пѣсни распѣвалъ.

И самъ не понялъ, не измѣрилъ,
Кому я пѣсни посвятилъ,
Въ какого Бога страстно вѣрилъ,
Какую дѣвушку любилъ.

Живую душу укачала,
Русь, на своихъ просторахъ, ты,
И вотъ, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю—и за дремотой тайна,
И въ тайнѣ—почиваетъ Русь.
Она и въ снахъ необычайна.
Ея одежды не коснусь.

XCV.

Такъ. Неизмѣнно все, какъ было.
Я въ старомъ ласковомъ бреду.
Ты для меня остановила
Временъ живую череду.

И я пришелъ, плющемъ вѣнчанный,
Какъ въ юности,—къ истокамъ рѣкъ.
И надъ водой, за мглой туманной—
Мнѣ улыбнулся тотъ же брегъ.

И тѣ же явственные звуки
Меня зовутъ изъ камыша.
И тѣ же матовыя руки
Провидитъ вѣщая душа.

Какъ будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизмѣннымъ сохранило
Пѣвучей юности русло.

И такъ же вѣченъ я и миренъ,
Какъ былъ давно, въ годину сна.
И тяжкимъ золотомъ кумиренъ
Моя душа убѣлена.

XCVI.

БРАТУ.

Милый братъ! Завечерѣло.
Чуть слышны колокола.
Надъ равниной побѣлѣло—
Сонноокая прошла.

Проплыла она и стала,
Незамѣтная, близка,
И опять намъ, какъ бывало,
Ноша тяжкая легка.

Межъ двумя стѣнами бора
Легкій падаетъ снѣжокъ.
Передъ нами—семафора
Зеленѣетъ огонекъ.

Небо—въ заревѣ лиловомъ,
Свѣтъ лиловый—на снѣгахъ.
Словно мы—въ пространствѣ новомъ,
Словно въ новыхъ временахъ.

Одиноко вскрикнетъ птица,
Отряхнувъ крылами ель,
И засыплетъ намъ рѣсницы
Бѣлоснѣжная метель.

Издали—локомотива
Поступь тяжкая слышна.
Скоро Финскаго залива
Намъ откроется страна.

Ты поймешь, какъ въ этомъ морѣ
Облегчается душа,
И какія гаснутъ зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжемъ
Передъ печкой на коврѣ
И тихонько перескажемъ
Все, что видѣли, сестрѣ.

Кончимъ. Тихо встанетъ съ креселъ,
Молчалива и строга.
Молвитъ каждому:—Будь веселъ.
— За окномъ лежатъ снѣга.

1906, январь.
Ст. Ланская Финл. ж. д.

XCVII.

ЕВГЕНІЮ ИВАНОВУ.

Вотъ Онъ—Христосъ—въ цѣпяхъ и розахъ—
За рѣшоткой моей тюрьмы.
Вотъ Агнецъ Кроткій въ бѣлыхъ ризахъ
Пришелъ и смотритъ въ окно тюрьмы.

Въ простомъ окладѣ синяго неба
Его икона смотритъ въ окно.
Убогій художникъ создалъ небо,
Но Ликъ и синее небо—одно.

Единый, Свѣтлый, немного грустный—
За Нимъ восходитъ хлѣбный злакъ,
На пригоркѣ лежитъ огородъ капустный,
И березки и елки бѣгутъ въ оврагъ.

И все такъ близко и такъ далеко,
Что, стоя рядомъ, достичь нельзя,
И не постигнешь синяго Ока,
Пока не станешь самъ, какъ стезя.

Пока такой же нищій не будешь,
Не ляжешь, истоптанъ, въ глухой оврагъ,
Обо всемъ не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, какъ мертвый злакъ.

XCVIII.

Я живу въ отдаленномъ скиту
Въ дни, когда опадаютъ листы.
Выхожу—и стою на мосту,
И смотрю на рѣчные цвѣты.

Вотъ—предчувствіе бѣлой зимы:
Тишина колокольныхъ высотъ...
Та, что нынче читала псалмы,—
Та монахиня, вѣрно, умретъ.

Безначально свободная ширь,
Слишкомъ радостной вѣстью дыша,
Подошла—и покрыла Псалтирь,
И въ страницахъ осталась душа.

Какъ свѣча, догорала она...
Вкругъ лица улыбалась печаль.
Долетали слова отъ окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два бѣлыхъ цвѣтка—
Эта легкая матовость рукъ...
Мнѣ прозрачная дѣва близка
Въ золотистую осень разлукъ...

Но живу я въ далекомъ скиту
И не знаю для счастья границъ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигаетъ Царицу.

XCIX.

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ.

А. М. РЕМИЗОВУ.

Я прогналъ тебя кнутомъ
Въ полдень сквозь кусты,
Чтобъ дождаться здѣсь вдвоемъ
Тихой пустоты.

Вотъ—сидимъ съ тобой на мху
Посреди болотъ.
Третій—мѣсяцъ наверху—
Искривилъ свой ротъ.

Я, какъ ты, дитя дубравъ,
Ликъ мой также стертъ.
Тише водъ и ниже травъ—
Захудалый чортъ.

На дурацкомъ колпакѣ
Бубенецъ разлукъ.
За плечами—вдалекѣ—
Сѣть рѣчныхъ излукъ...

И сидимъ мы, дурачки—
Нежить, немочь водъ.
Зеленѣютъ колпачки
Задомъ напередъ.

Зачумленный сонъ воды,
Ржавчина волны...
Мы—забытые слѣды
Чьей-то глубины...

C.

Бѣлый конь чуть ступаетъ усталой ногой,
Гдѣ безкрайная зыбь залегла.
Мнѣ болотная схима—желанный покой,
Будь ночлегомъ, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется въ ноги коня змѣевикъ.
На горѣ безмятежно поютъ голоса
Все о томъ, какъ закатъ Твой великъ.

Закатилась Ты съ мертвымъ Твоимъ женихомъ,
Съ палачемъ раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой лучъ мнѣ знакомъ,
Тишина Твоя дремлетъ вдали.

Я съ Тобой—навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдамъ.
Въ этихъ впадинахъ тихая дремлетъ вода,
Запирая ворота безумнымъ ключамъ.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты блѣдно-лазоревый сводъ!
Знаю, вѣдаю ласку Подруги моей—
Старину озаренныхъ болотъ.

Новоселки.

CI.

Полюби эту вѣчность болотъ,
Никогда не изсякнетъ ихъ мощь.
Этотъ злакъ, что сгорѣлъ,—не умретъ.
Этотъ кустъ—безъ истлѣнія—тощъ.

Эти ржавые кочки и пни
Знаютъ твой отдыхающій пленъ.
Неизмѣнно предвѣчны они,—
Ты предъ Вѣчностью полонъ измѣнъ.

Одинокая участь свѣтла.
Безначальная доля свята.
Это Вѣчность Сама снизошла
И навѣки замкнула уста.

CII.

Болото—глубокая впадина
Огромнаго глаза земли.
Онъ плакалъ такъ долго,
Что въ слезахъ изошло его зрѣнье
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И бѣлый пухъ смеженныхъ рѣсницъ—
Пробѣгаетъ зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть въ болотѣ.
И тогда говорятъ въ деревняхъ
Неизвѣстно откуда пришедшіе
Колдуны и косматыя вѣдьмы:
— Это шутитъ надъ вами болото.
— Это манитъ васъ темная сила.
И, когда они такъ говорятъ,
Старики осѣняются знаменьемъ крестнымъ,
Пожилые—смѣются,
А у дѣвушекъ—ясно видны
За плечами бѣлыя крылья.

CIII.

Осень поздняя. Небо открытое.
И лѣса сквозятъ тишиной.
Прилегла на берегъ размытый
Голова русалки больной.

Низко ходятъ туманныя полосы,
Пронизали тѣнь камыша,
На зеленые длинные волосы
Упадаютъ листья, шурша.

И опушками отдаленными
Мѣсяцъ ходитъ съ легкимъ хрустомъ и глядитъ,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышетъ она и не спитъ.

Бездыханный покой очарованъ.
Несказанная боль улеглась.
И надъ міромъ, холодомъ скованъ,
Пролился звонко-синій часъ.

CIV.

Г. И. ЧУЛКОВЪ.

Не строй жилищъ у рѣчныхъ излучинъ,
Гдѣ шумной жизни замѣтенъ ростъ.
Повѣрь, Конецъ всегда однозвученъ,
Никому не понятенъ и торжественно простъ.

Твоя участь тиха, какъ разсказъ вечерній,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себѣ, молча, къ какой хочешь вечернѣ.
Гдѣ душа твоя проситъ,—тамъ молись.

Кто придетъ къ тебѣ, будь онъ, какъ Ангелъ, свѣтелъ,
Ты прими его просто, будто видѣлъ во снѣ,
И молчи безъ конца, чтобы никто не замѣтилъ.
Кто сидѣлъ на скамьѣ, промелькнулъ въ окнѣ.

И никто не узнаетъ, о чемъ молчанье,
И о чемъ спокойныхъ думъ простота.
Такъ: Она придетъ. Забѣлѣетъ сіянье.
Безъ вины прижметъ къ устамъ уста.

CV.

Ты придешь и обнимешь.
И въ спокойной мглѣ
Мнѣ лицо опрокинешь
Встрѣчу новой землѣ.

Въ новомъ небѣ забудемъ,
Что прошло,—навсегда.
Тихо молвятъ люди:
— Вотъ еще звѣзда.

И, мерцая, задремлемъ
На туманный вѣкъ,
Посылая землямъ
Сребровзвѣздный снѣгъ.

На груди изъ рая—
Твой небесный цвѣтъ.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свѣтъ.

CVI.

ЭХО.

Къ зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листвѣ.
И мѣсяцъ холодный стоитъ, не сгорая.
Зеленымъ серпомъ въ синевѣ.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову—и трикраты
Мнѣ издали звонко
Отвѣтствуетъ нимфа, отвѣтствуетъ Эхо.
Какъ будто, въ поля золотого заката
Гонимая богомъ ребенкомъ
И полная смѣха...

Вотъ, богомъ настигнута, падаетъ Эхо,
И страстно круженье, и сладко томленье,
И смѣхъ ея въ длинномъ
Звучитъ повтореньи
Подъ небомъ невиннымъ...
И страсти и смерти,
И смерти, и страсти
Вѣнчальныя вѣтви
Осеннихъ убранствъ и запястій!

Тамъ — въ синемъ раздольи — мой голосъ пророчи...
Возвратить, опрокинуть весь міръ на меня!
Но, сверкнувъ на крылѣ пролетающей ночи,
Томной свирѣлью вечерняго дня
Ускользнувшая нимфа хохочетъ.

CVII.

ПЛЯСКИ ОСЕННІЯ.

АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Волновать меня снова и снова—
Въ этомъ тайная Воля Твоя.
Радость ждетъ сокровенаго слова,
И ужъ ткань золотая готова,
Чтобъ душа засмѣялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
Въ небеса отлетаетъ мольба,
И за кружевомъ тонкой березы
Золотая запѣла труба.

Такъ волнуютъ прозрачные звуки,
Будто милый Твой голосъ звенитъ,
Но молчишь Ты, поднявшая руки,
Устремившая руки въ зенитъ.

И округлыя руки трепещутъ,
Съ бѣлыхъ плечъ ниспадаютъ струи,
За Тобой въ хороводахъ расплещутъ
Осенницы одежды свои.

Осѣненная рѣющей влагой,
Распустила Ты пряди волосъ.
Хороводовъ Твоихъ по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не пѣть, не плясать,
И не могутъ луга и овраги
Подъ стопою Твоей не сгорать.

Съ нами, къ намъ — легкокрылая младость,
Намъ воздушная участь дана...
И откуда приходитъ къ намъ Радость,
И откуда плыветъ Тишина?

Тишина умирающихъ злаковъ—
Это свѣтлая въ мірѣ пора:
Сонъ, завѣтныхъ исполненный знаковъ,
Что сегодня пройдетъ, какъ вчера,

Что полеты временъ и желаній—
Только всплески дѣвическихъ рукъ—
На землѣ, на зеленой полянѣ,
Неразлучный и радостный кругъ.

И безбурное солнце не будетъ
Нарушать и гнѣвить Тишину,
И лѣсная трава не забудетъ,
Никогда не забудетъ весну.

И снѣжинки по склонамъ оврага
Заметутъ, заровняютъ края,
Тамъ, гдѣ имъ заповѣдала влага,
Тамъ, гдѣ пляска, гдѣ воля Твоя.

Лѣсной.

НОЧНАЯ ФІАЛКА

CVIII.

НОЧНАЯ ФІАЛКА.

Миновали случайные дни
И равнодушныя ночи,
И, однако, памятно мнѣ
То, что хочу разсказать вамъ,
То, что случилось во снѣ.

Городъ вечерній остался за мною.
Дождь начиналъ моросить.
Далеко, у самаго края,
Тамъ, гдѣ небо, уставъ прикрывать
Поступки и мысли согражданъ моихъ,
Упало въ болото,—
Тамъ краснѣла полоска зари.

Городъ покинувъ,
Я медленно шелъ по уклону
Мало застроенной улицы,
И, кажется, другъ мой со мной.
Но, если и шелъ онъ,
То молчалъ всю дорогу.
Я ли просилъ помолчать,
Или самъ онъ былъ грустно настроенъ,
Только, другъ другу чужіе,

Разное видѣли мы:
Онъ видѣлъ извощичьи дрожки,
Гдѣ молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенныхъ женщинъ.
Также не были чужды ему
Дѣвицы, смотрѣвшія въ окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но все посѣрѣло, померкло,
И зрѣнье у спутника—также,
И, вѣрно, другія желанья
Его одолѣли,
Когда онъ исчезъ за угломъ,
Нахлобучивъ картузъ,
И оставилъ меня одного
(Чѣмъ я былъ несказанно доволенъ,
Ибо что же пріятнѣй на свѣтѣ,
Чѣмъ утрата лучшихъ друзей?)
Прохожихъ стало все меньше.
Только тощіе псы попадались навстрѣчу
Только пьяныя бабы ругались вдали.
Надъ равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотомъ.

И пока прояснялось сознанье,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнахъ различныхъ религій,
И заботы о платѣ за строчку,—
Становились яснѣй и яснѣй,
Что когда то я былъ здѣсь и видѣлъ
Все, что вижу во снѣ,—наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строеній.
На болотѣ, отъ кочки до кочки,
Надъ стоячей и ржавой водой

Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленыя сумерки
Въ сонъ, и въ дрему, и въ лѣнь,
Гдѣ внизу и вверху,
И подъ кочкою чахлой,
И подъ красной полоской зари —
Затаилъ ожиданіе воздухъ
И, какъ будто, на стражѣ стоялъ,
Ожидая расцвѣта
Нѣжной дочери струй
Водяныхъ и воздушныхъ.

И не даромъ все было спокойно
И торжественной встрѣчей полно:
Вѣдь никто не слыхалъ никогда
Отъ родителей смертныхъ,
Отъ наставниковъ школьныхъ,
Да и въ книгахъ никто не читалъ,
Что вблизи отъ столицы,
На болотѣ глухомъ и пустомъ,
Въ часъ фабричныхъ гудковъ и журфиксовъ,
Въ часъ забвенья о злѣ и добрѣ,
Въ часъ разгула родственныхъ чувствъ
И развратно длинныхъ бесѣдъ
О дурномъ состояньи желудка
И о новомъ совѣтѣ министровъ,
Въ часъ презрѣнья къ лучшимъ изъ насъ,
Кто, паденій своихъ не скрывая,
Безъ стыда продаетъ свое тѣло
И на пыльно-трескучихъ троттуарахъ
Съ наглой скромностью смотритъ въ глаза,—
Что въ такой оскорбительный часъ
Всѣмъ доступны видѣнья.
Что такой же бродяга, какъ я,

Или, можетъ быть, ты, кто читаешь
Эти строки съ любовью иль злобой,—
Можетъ видѣть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цвѣтокъ,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Такъ я зналъ про себя,
Проходя по болоту,
И увидѣлъ сквозь сѣтку дождя
Небольшую избушку.
Самъ не зная, куда я забрелъ,
Пріоткрылъ я тяжелую дверь
И смущенно всталъ на порогѣ.

Въ длинной, низкой избѣ по стѣнамъ
Неуклюжія лавки стояли.
На одной — передъ длиннымъ столомъ—
Молчаливо сидѣла за пряжей,
Опустивъ надъ работой проборъ,
Некрасивая дѣвушка
Съ непримѣтнымъ лицомъ.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвѣта волосы были,
И какія черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потомъ, отрываясь отъ пряжи,
Долго, долго сидѣла, не глядя,
Безъ заботъ и безъ думъ.
И еще я, навѣрное, знаю,
Что когда то ужъ видѣлъ ее,
И была она, можетъ быть, краше
И, пожалуй, стройнѣй и моложе,
И, быть можетъ, грустили когда то,
Припадая къ подножьямъ ея,
Короли въ сѣдинахъ голубыхъ.

И запомнилось мнѣ,
Что въ избѣ этой низкой
Вѣялъ сладкій дурманъ,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизанъ былъ воздухъ
Зацвѣтаньемъ Фіалки Ночной,
Оттого, что на праздникъ вечерній
Я не въ брачной одеждѣ пришелъ.
Былъ я нищій бродяга,
Посѣтитель ночныхъ ресторановъ,
А въ избѣ собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда то я былъ въ ихъ кругу
И устами касался ихъ чаши
Гдѣ то въ скалахъ на фьордахъ,
Гдѣ ужъ нѣтъ ни морей, ни земли,
Только въ сумеркахъ снѣжныхъ
Чуть блестятъ золотые вѣнцы
Скандинавскихъ владыкъ.

Было тяжко опять приступить
Къ исполненью суроваго долга,
Къ поклоненью забытымъ вѣнцамъ,
Но они дожидались,
И, грустя, засмѣялась душа
Запоздалому ихъ ожиданью.

Обходилъ я избу,
Руки жалъ я товарищамъ прежнимъ,
Но они не узнали меня.
Наконецъ, за огромною бочкой
(Вѣрно съ пивомъ) на узкой скамьѣ
Я замѣтилъ сидящихъ
Старика и старуху.

И глаза различили вѣнцы,
Потускнѣвшіе въ воздухѣ ржавомъ,
На зеленыхъ и древнихъ кудряхъ.
Здѣсь сидѣли вѣками они,
Дожидаясь привычныхъ поклоновъ,
Чуть кивая пришельцамъ въ отвѣтъ.
Обойдя всѣхъ сидѣвшихъ на лавкахъ,
Я отвѣсилъ поклонъ королямъ;
И по старымъ глубокимъ морщинамъ
Пробѣжала усталая тѣнь;
И привычно торжественнымъ жестомъ
Короли мнѣ велѣли остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидѣлъ послѣднюю лавку
Въ самомъ темномъ углу.

Тамъ, на лавкѣ неровной и шаткой,
Неподвижно сидѣлъ человѣкъ,
Опершись на колѣни локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что онъ, не старѣя,
Не мѣняясь, и думая думу одну,
Прогрустилъ здѣсь вѣка,
Такъ что члены одеревенѣли,
И теперь, обреченный, сидитъ
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоитъ рядомъ съ нимъ на скамейкѣ.

И когда я къ нему подошелъ,
Онъ не поднялъ лица, не отвѣтилъ
На поклонъ, и не двинулъ рукой.
Только понялъ я, тихо вглядѣвшись
Въ глубину его тусклыхъ очей,
Что и мнѣ, какъ ему, суждено

Здѣсь сидѣть—у недопитой кружки,
Въ самомъ темномъ углу.
Суждена мнѣ такая же дума,
Такъ же руки мнѣ надо сложить,
Такъ же тусклыя очи направить
Въ дальній уголъ избы,
Гдѣ сидитъ подъ мерцающимъ свѣтомъ,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За безцѣльною пряжей—
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Такъ сижу я въ избѣ.
Рядомъ—кружка пивная
И печальный владѣлецъ ея.
Понемногу лицо его никнетъ,
Скоро тихо коснется колѣнъ,
Да и руки, не въ силахъ согнуться,
Только брякнутъ костями,
Упадутъ и повиснутъ.
Этотъ нищій, какъ я,—въ старину
Былъ, какъ я, благороднаго рода,
Стройнымъ юношей, храбрымъ героемъ,
Обольстителемъ сѣверныхъ дѣвъ
И пѣвцомъ скандинавскихъ сказаній.
Вотъ обрывки одежды его:
Разноцвѣтныя полосы тканей,
Шитыхъ золотомъ краснымъ
И поблекшихъ.

Дальше вижу дружину
На огромныхъ скамьяхъ:
Кто владѣетъ въ забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, къ щиту прислонясь,

Увязилъ долговязую шпору
Подъ скамьей;
Кто свой шлемъ уронилъ, — изъ шлема.
На истлѣвшемъ полу,
Пробивается блѣдная травка,
Обреченная жить безъ весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше—чинно, у бочки пивной,
Возсѣдаютъ старикъ и старуха,
И на нихъ догораютъ вѣнцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленыя кудри,
Обрамляя морщинъ глубину,
И глаза подъ навѣсомъ бровей
Огоньками болотными дремлютъ.

Дальше, дальше—беззвучно прядетъ,
И прядетъ, и прядетъ королевна,
Опустивъ надъ работой проборъ.
Сладкимъ сномъ одурманила насъ,
Опоила насъ зельемъ болотнымъ,
Окружила насъ сказкой ночной,
А сама все цвѣтетъ и цвѣтетъ,
И болотами дышетъ Фіалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядетъ, и прядетъ, и прядетъ.

Цѣпенѣю, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходятъ, быть можетъ, мгновенья,
А, быть можетъ, — столѣтья.

Слышу, слышу сквозь сонъ
За стѣнами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальній прибой,
Будто голосъ изъ родины новой,
Будто чайки кричатъ,
Или стонутъ глухія сирены,
Или гонитъ играющій вѣтеръ
Корабли изъ веселой страны.
И нечаянно Радость приходитъ,
И далекая пѣна бушуетъ,
Зацвѣтаютъ далеко огни.

Вотъ сосѣдъ мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла къ скамьѣ голова.
Вотъ разсыпался мечъ, дребезжа.
Щитъ упалъ. Изъ-подъ шлема
Побѣжала веселая мышка.
А старикъ и старуха на лавкѣ
Прислонились тихонько другъ къ другу,
И надъ старыми ихъ головами
Больше нѣтъ королевскихъ вѣнцовъ.

И сижу на болотѣ.
Надъ болотомъ цвѣтетъ,
Не старѣя, не зная измѣны,
Мой лиловый цвѣтокъ,
Что зову я—Ночною Фіалкой.

За болотомъ остался мой городъ;
Тотъ же вечеръ и та же заря.
И, навѣрное, другъ мой, шатаясь,
Не однажды домой приходилъ
И ругался, меня проклиная,
И мертвецкимъ сномъ засыпалъ.

Но столѣтья прошли,
И продумалъ я думу столѣтій.
Я у самаго края земли,
Одинокій и мудрый, какъ дѣти.
Такъ же тихъ догорающій сводъ,
Тотъ же міръ меня тягостный встрѣтилъ.
Но Ночная Фіалка цвѣтетъ,
И лиловый цвѣтокъ ея свѣтелъ.
И въ зеленой ласкающей мглѣ
Слышу волнъ круговое движенье,
И большихъ кораблей приближенье,
Будто вѣсти о новой землѣ.
Такъ завѣтная прялка прядетъ
Сонъ живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придетъ
И пребудетъ она совершенной.

И Ночная Фіалка цвѣтетъ.

С.-Петербургъ.
1905-1906.

Примѣчанія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

«Нечаянная Радость»—переходная книга: еще не отзвучали «Стихи о Прекрасной Дамѣ», а уже основной отдѣлъ («Магическое») связанъ со «Снѣжной Ночью». Взглянувшій на даты книги пойметъ, почему она отличается всѣми свойствами переходнаго времени.

Книга дополнена стихотвореніями, ей современными, которыя по разнымъ причинамъ не вошли въ ея первое изданіе, но всѣ были напечатаны, кромѣ одного (XXVIII), въ сборникахъ моихъ стиховъ и повременныхъ изданіяхъ.

Слѣдующія примѣчанія относятся къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ.

I и II. «Сольвейгъ». Драматической поэмой Ибсена навѣяны и женственный образъ Сольвейгъ и другіе образы этого стихотворенія.

III. «На весеннемъ пути». Слово «таль»—старое русское. Оно встрѣчается еще въ XVIII вѣкѣ—у А. Т. Болотова.

XII. «Влюбленность». Стихотвореніе внушено старымъ замкомъ города Friedberg'a (Hessen), описанію котораго посвящена моя статья: «Дѣвушка розовой калитки и муравьиный царь».

XVI. «Балаганчикъ». Развитіе этой темы—въ лирической драмѣ того же имени; тѣ же мотивы встрѣчаются и въ «Стихахъ о Прекрасной Дамѣ».

XVII. «У моря». Вліяніе Мэтерлинка.

XXVII. «Незнакомка». Развитіе темы этого и смежныхъ стихотвореній—въ лирической драмѣ того же имени.

XXXIII. «Петръ». Стих. внушено Петромъ Фальконета на Сенатской площади въ Петербургѣ.

XLII. «Потѣха! Рокочетъ труба...» «Слова слаще звуковъ Моцарта»—стихъ изъ либретто «Пиковой Дамы» Чайковскаго.

XLVII. «Иванова Ночь». «Въ волшебствѣ этомъ»—музыкальное сочетаніе словъ изъ стихотворенія Фета.

LXVII. «Послѣдній день». Вліяніе «Коня Блѣда» В. Брюсова.

LXXI. «Сытые». Стих. внушено октябрьскими забастовками 1905 года въ Петербургѣ.

LXXIV. «Еще прекрасно сѣрое небо». «Латникъ въ черномъ»——одна изъ статуй на кровлѣ Зимняго Дворца.

LXXVII. «Митингъ». Вліяніе перевода Бальмонта «Баллады Рэдингской тюрьмы» Уайльда.

LXXVIII. «Ея прибытіе». Я рѣшаюсь помѣстить здѣсь эту слабую и неконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, какъ посвященная разнымъ «несбывшимся надеждамъ» (по моему тогдашнему замыслу). Всѣ ея части были напечатаны въ видѣ отдѣльныхъ стихотвореній въ разныхъ журналахъ. Развитіе той же темы—въ лирической драмѣ «Король на площади».

XCIV. «Русь». «Мутный взоръ колдуна», чарованіе злаковъ, вѣдьмы и черти въ снѣговыхъ столбахъ на дорогѣ, дѣвушка, точащая подъ снѣгомъ лезвее ножа на измѣнившаго милаго—все это подлинные образы нашихъ повѣрій, заговоровъ и заклинаній (см. мою статью «О заговорахъ и заклинаніяхъ» въ «Исторіи Русской Литературы», изд. «Міръ», томъ I, «Народная Словесность», подъ редакціей проф. Е. В. Аничкова).

XCVII. «Вотъ Онъ—Христосъ». Стихотв. навѣяно тѣми чертами русскаго пейзажа, которыя нашли себѣ лучшее выраженіе у Нестерова.

CVIII. «Ночная Фіалка». Эта поэма—почти точное описаніе видѣннаго мною сна.

Въ первой книгѣ по недосмотру не отмѣчено, что выраженіе «безсмертная пошлость» (стих. CCLVIII на стр. 168) принадлежитъ Тютчеву.

СОДЕРЖАНІЕ.

Весеннее.

		стр.
I.	Сольвейгъ	1
II.	Сольвейгъ	2
III.	На весеннемъ пути	3
IV.	Болотный попикъ	4
V.	Твари весеннія	5
VI.	Старушка и чертенята	6
VII.	На перекресткѣ	8
VIII.	Пѣсенка	9
IX.	Обманъ	—
X.	Невидимка	11
XI.	Легенда	12
XII.	Влюбленность	14
XIII.	Прости	16
XIV.	Тишина цвѣтетъ	17
XV.	Ты въ поля отошла	18

Дѣтское.

XVI.	Балаганчикъ	21
XVII.	У моря	22
XVIII.	Поэтъ	23
XIX.	Въ туманахъ	24
XX.	Вербочки	25
XXI.	Дѣвушка пѣла	—
XXII.	Въ лапахъ косматыхъ	26
XXIII.	Сынъ и мать	27
XXIV.	Угаръ	28

стр.

XXV. Рождество 29
XXVI. Колыбельная 31

Магическое.

XXVII. Незнакомка 35
XXVIII. Варіантъ «Незнакомки» 37
XXIX. Встрѣча 38
XXX. Шлейфъ, забрызганный звѣздами 39
XXXI. Тамъ, въ ночной 40
XXXII. Ночь 41
XXXIII. Петръ 42
XXXIV. Вечеръ 43
XXXV. Блеснуло въ глазахъ 44
XXXVI. Гимнъ 45
XXXVII. Городъ въ красные предѣлы 46
XXXVIII. Вѣчность бросила въ городъ 47
XXXIX. Иду—и все мимолетно 48
XL. Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ 49

Отравы.

XLI. Лазурью блѣдной мѣсяцъ плылъ 53
XLII. Потѣха! Рокочетъ труба 54
XLIII. An Hans Guenther 55
XLIV. Ты смотришь въ очи 56
XLV. Улица, улица 57
XLVI. Я жалобной рукой 58
XLVII. Иванова ночь . . . . —
XLVIII. Колдунья 59
XLIX. Ты можешь по травѣ 60
L. A l'ombre 61
LI. Я живу въ глубокомъ покоѣ 62
LII. Ты одѣнешь меня въ серебро 63
LIII. Вотъ на тучахъ 64
LIV. Фіолетовый западъ . . . . —

Перстень-Страданье.

LV. Ангелъ-Хранитель 69
LVI. Перстень-Страданье 71
LVII. Передвечернею порою 72

		стр.
LVIII.	Холодный день	73
LIX.	Въ октябрѣ	74
LX.	Въ четырехъ стѣнахъ	76
LXI.	Окна во дворъ	77
LXII.	Старыя мысли	78
LXIII.	На чердакѣ	80
LXIV.	Romancero	81
LXV.	Умолкаетъ свѣтлый вѣтеръ	82
LXVI.	Повѣсть	83
LXVII.	Послѣдній день	85
LXVIII.	Бредъ	86

1905.

LXIX.	Сказка о пѣтухѣ и старушкѣ	91
LXX.	Барка жизни	92
LXXI.	Сытые	93
LXXII.	Шли на приступъ	94
LXXIII.	Прискакала дикой степью	95
LXXIV.	Еще прекрасно сѣрое небо	96
LXXV.	Вися надъ городомъ	—
LXXVI.	Пришлецы	97
LXXVII.	Митингъ	98
LXXVIII.	Ея прибытіе	101

Покорность.

LXXIX.	Она веселой невѣстой была	111
LXXX.	Въ голубой далекой спаленкѣ	113
LXXXI.	Моей матери	114
LXXXII.	Моей матери	115
LXXXIII.	Старость мертвая	—
LXXXIV.	Мы подошли—и воды	116
LXXXV.	Зажигались окна	117
LXXXVI.	Гробъ невѣсты	—
LXXXVII.	Оставь меня	118
LXXXVIII.	Всѣ отошли	—
LXXXIX.	Нѣжный! У ласковой рѣчки	119
XC.	Въ часъ глухой разлуки	120
XCI.	Взморье	121

Нечаянная Радость.

стр.

XCII. Осенняя воля 125
XCIII. Не мани меня ты, воля 126
XCIV. Русь 127
XCV. Такъ. Неизмѣнно все 128
XCVI. Брату 129
XCVII. Вотъ онъ, Христосъ 131
XCVIII. Я живу въ отдаленномъ скиту 132
XCIX. Болотные чертенятки 133
C. Бѣлый конь 134
CI. Полюби эту вѣчность болотъ . . . . —
CII. Болото—глубокая впадина 135
CIII. Осень поздняя 136
CIV. Не строй жилищъ . . . . —
CV. Ты придешь и обнимешь 137
CVI. Эхо 138
CVII. Пляски осеннія 139

Ночная Фіалка.

CVIII. Ночная Фіалка 143
Примѣчанія 155

КНИГИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ. Москва, 1911, изд. «Мусагетъ».

Книга I. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изд. второе. 2 руб.

Книга II. Нечаянная Радость. Изд. второе. 1 р. 50 коп.

Книга III. Снѣжная Ночь. Изд. второе. 1 р. 50 коп.

Земля въ снѣгу. Третій сборникъ стиховъ. Москва, 1908, изд. «Золотое Руно». 1 р. 25 коп.

Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ. Москва, 1911, изд. «Мусагетъ». 1 руб.

Лирическія драмы (Балаганчикъ, Король на площади, Незнакомка). СПБ., 1908, изд. «Шиповникъ». Распродано.

Собраніе статей (готовится).

Праматерь, трагедія Грильпарцера, переводъ размѣромъ подлинника. СПБ., 1908, изд. «Пантеонъ» 1 руб.

Дѣйство о Теофилѣ, миракль Рютбефа, трувера XIII вѣка, переводъ въ стихахъ (готовится).

40-

4/III 43 Київ. Букиністичну Якубовського
на Володимирській у
підвалі проти Золотих Воріт - сорок крб.
на базарі 1 ст. пшона 30-40 крб.; 1 кіло
сала 1800 - 2000 крб.

В мене було в знатному примірнику свого
I видання цієї збірки „Александр Блок /
Нечаянная радость/... Виньетки в тексте
Вас. Миллиоти / Москва 1907 / Книго-
издательство „Скорпион". Звідти вирі-
зав і вклеїв до цієї книги.)